



Фантастический бестселлер

Таланливый создатель и беспощадный разрушитель миров

ДЖЕЙМС АЛАН ГАРДНЕР

ЧАС ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ

Джеймс Алан Гарднер

Час Предназначения

Вычитка – Георгий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157221

Час Предназначения: Эксмо, Домино; Москва, СПб; 2006

ISBN 5-699-17041-3

Аннотация

После того как Землю покинуло более семидесяти процентов населения, она официально стала считаться свободной зоной, открытой для любых представителей Союза народов, могущественной межгалактической организации, контролирующей обитаемую Вселенную. Власть на планете берут в свои руки Лучезарные, с помощью внеземных технологий восстановившие порядок и объявившие себя богами. С этой поры Земля превращается в одну большую лабораторию, где люди выполняют роль подопытных морских свинок в инопланетных экспериментах.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Глава 3	43
Глава 4	57
Глава 5	70
Глава 6	80
Глава 7	103
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Джеймс Алан Гарднер

Час Предназначения

Линде: если меня собьет вдруг автобус, тебе не придется дочитывать эту книгу

Спасибо все той же группе писателей (Линде Карсон, Джону Макмалину, Дейву Тиллу) за те первые отзывы, которые я получил, как только еще теплые страницы начальных глав появились из принтера. И Роберту Дж. Сойеру, Ричарду Кёртису и Дженифер Брехл, которые прочитали весь роман целиком. И Шелли Гетц, которая сообщила мне, как называется эта маленькая выпуклость на позвоночнике (пока она делала мне УЗИ сломанной ноги... но это уже совсем другая история).

В заключение я благодарю Криса Блайта, Эрика Бристова, Дункана Бристоу и Ларри Хэкмана, которые первыми прошли со мной путь от Тобер-Коува до Кипарисовой топи.

И да сгинут навеки дикобразы!

Глава 1

СЕТКА ДЛЯ УТКИ

В ночь перед Предназначением я сидел на покрытом за-сохшей грязью бревне посреди болота в обществе лягушек и рыб, ожидая, когда боги пошлют мне утку. В детстве я про-вел здесь немало времени, упражняясь в игре на скрипке. Возможно, старики-москиты до сих пор рассказывают сво-им личинкам про человеческого детеныша, который был на-столько увлечен извлечением всевозможных нотных сочета-ний из струн своего инструмента, что ему даже некогда было прихлопнуть назойливое насекомое. По словам нашей цели-тельницы, она трудилась от рассвета до заката, собирая тра-вы и приготавливая из них снадобья, которыми приходилось смазывать мою кожу каждый раз, когда я вечером возвра-щался домой.

В то время Кипарисовая топь была единственным местом, где старейшины Тобер-Коува разрешали мне играть, утвер-ждая, будто от звуков моей скрипки у коров сворачивает-ся молоко. Теперь, когда мне исполнилось двадцать, на мою музыку давно уже никто не жаловался, более того, я стал приносить поселку немалый доход: меня посылали в глубь полуострова на свадьбы, праздники урожая и весенние тор-жества, где удавалось зарабатывать впятеро больше любого

рыбака или фермера. Мой приемный отец рассказывал, что старейшины время от времени спорили о том, кому из них я больше всего обязан своими успехами; но на самом деле больше всего следовало благодарить стрекоз, быстро обнаруживших, что там, где играет скрипка, всегда носятся полчища moskitov, которыми можно наесться до отвала. Можно сказать, они спасали меня от этих кровососов... и даже сейчас стрекозы Кипарисовой топи прилетали на звук скрипки, словно дети, услышавшие зовущий к обеду колокольчик.

Сидя на бревне, я подумал о том, не взять ли смычок и не сыграть ли в честь стрекоз благодарственную серенаду. Естественно, скрипка была со мной – я никогда не покидал дом без нее, даже отправляясь выбирать рыболовные сети, что являлось моей ежедневной работой. Скрипка значительно облегчала мне жизнь: как правило, в середине дня кто-нибудь обязательно говорил: «Фуллин, сыграй, чтоб стало веселее». И следующие часа два я наигрывал мелодию «Девушка и голодный свинопас», пока остальные гнули спины. Все считали, что это вполне честная сделка.

Взяв скрипку, я начал мягко водить смычком по струнам, как вдруг с дальнего конца болота до меня донеслась песня:

Я приду к тебе зимой,
И хотя все вокруг будет лежать в снегу,
Холода мы не чувствуем...

Каппи, романтическая душа. В те годы, когда она была

мужчиной, ее прекрасный бас, рокочущий и проникновенный, напоминал рыдания Господина Грома над погибшим сыном. Я много раз говорил, что подобный голос мог бы приносить немалые деньги, стоит лишь приложить немного усилий. Но теперь женщина-Каппи обладала отвратительным голосом – тонким, словно тростинка, готовым сорваться на следующей же ноте. К великому сожалению, именно в этом облике она полюбила петь, прежде предпочитая молча сидеть у костра, угрюмо уставившись на огонь.

Я проведу с тобой всю весну,
И пусть дует влажный ветер с северо-запада,
Сырости мы не почувствуем...

В последнее время она пела каждый день слезливые сентиментальные песенки, причем манеру исполнения, похоже, позаимствовала у некоей особы из бродячей труппы, пару недель назад посетившей Тобер-Коув. Тогда по просьбе публики я поднялся на сцену, чтобы аккомпанировать певице, которая изо всех сил пыталась возбудить нездоровую страсть у собравшихся на площади мужчин. Вы наверняка догадываетесь, о чем идет речь, – когда певица зазывно, как ей кажется, виляет бедрами, и не поймешь, то ли она поет, то ли просто страстно стонет. Поскольку я находился на сцене рядом с ней, большая часть этих призывов была адресована мне, впрочем, я старался их попросту не замечать. Певица прижималась ко мне, а я думал лишь об одном – чтобы случай-

но не попасть ей смычком в глаз. Каппи, похоже, почему-то решила, что сумеет подобным образом прельстить меня, хотя, признаюсь, она мало походила на профессиональных соблазнительниц с Юга.

Я буду танцевать с тобой все лето,
И даже если жара иссушит реки,
Зная мы не почувствуем...

Ее к тому же живо интересовало, какой пол я собираюсь выбрать себе в Предназначение. Патриарший закон строго запрещал обсуждать с кем-либо выбор, но Каппи-женщина пренебрегала любыми законами, считая их бессмысленными и бесполезными – лично для нее. «Мне нужно это знать, как ты не понимаешь! – возмущалась она. – Вдруг мы оба выберем один и тот же пол, тогда о женитьбе не может быть и речи».

Подобный вариант я просто не рассматривал. Впрочем, говорить об этом казалось мне жестоким, но желание раз и навсегда объясниться возникало, едва лишь она спрашивала, насколько сильно я ее люблю, причем данный вопрос задавался неоднократно.

Я давно перерос Каппи. Меня знали на всем полуострове Бруйс и хорошо платили за музыку – коза за вечер, овца за день, корова за праздник. И мне не хотелось, чтобы нас видели вместе. Ее любовные песни и попытки соблазнения не вызывали никаких чувств, кроме жалости, какую испыты-

ваешь к старому покалеченному псу, все еще пытающемуся гоняться за кроликами.

Я буду держать тебя за руку всю осень,
И когда сияние солнца потускнеет,
Наша любовь все же не оставит нас,
Наша любовь не оставит нас...

Песня закончилась. Мне хотелось крикнуть: «Хватит обманывать себя и мучить других!» – но, конечно, я промолчал. Иначе Каппи сразу прибежала бы ко мне, спрашивая, что я имел в виду, или в очередной раз требуя, чтобы мы поговорили о нашем будущем, «пока еще не поздно!». И это было последним, чего бы я желал. Любая попытка завести разговор на подобную тему вынуждала меня изобретать все новые и новые способы, чтобы увильнуть от ее вопросов.

Ко всему прочему, сегодня был канун Дня Предназначения, и до рассвета нам было запрещено видаться с другими людьми. Каппи могла и пренебречь законом, если он ее не устраивал, но я хотел, чтобы все было как положено. Сейчас она наверняка затаилась где-нибудь в темноте, ожидая моего ответа. Спеть мне не хватало духу, но почему бы не сыграть на скрипке – и тогда не пришлось бы беспокоиться о том, что Каппи не услышит в моем голосе особого восторга. Вполне хватило бы простой мелодии, и мне пришла в голову песня «Звезды на черном небе», мечтательная и романтическая, хотя в ней ни разу не упоминалось слово «любовь». Кроме того,

она была как раз к месту – звезды в изобилии рассыпались по летнему небу, словно жемчужины, брошенные Госпожой Ночью. Я поднял смычок, глубоко вздохнул и...

... услышал другую скрипку, игравшую где-то далеко на болоте.

Скрипач, вне всякого сомнения, был хорошим музыкантом. От удивления я даже выронил смычок, который с легким звоном задел струны и упал в грязь у моих ног. Я поспешно поднял его.

Скрипка – инструмент с Юга. Мне она досталась от покойной матери, которая, в свою очередь, унаследовала ее после смерти отца... и так далее в течение семи поколений. Ни у кого на полуострове больше не было скрипки, не говоря уже о том, чтобы кто-либо умел с таким совершенством на ней играть. «Возможно, – подумал я, – это какой-нибудь заблудившийся южанин, странствующий музыкант, который сбился с дороги и расположился на ночь на болоте». Но мелодия была местная – популярная в Тобер-Коуве баллада о вероломном любовнике под названием «Не заставляй меня выбирать». Откуда она известна чужестранцу?

Я громко выругался, спугнув несколько лягушек, поспешно попрыгавших в воду. Ни одна мелодия в мире не могла бы заставить Каппи бежать быстрее. И помчалась бы она прямо ко мне, а не в другую сторону – она прекрасно знала, где я нахожусь, и ей бы и в голову никогда не пришло, что в ночи играет еще один скрипач. Нужно было сматываться, пока

она не появилась. Собственно говоря, следовало найти этого южанина – как доказательство того, что я не единственный, кто мог играть ту мелодию.

Несколько мгновений я размышлял, брать ли скрипку с собой. Мне не хотелось ее оставлять, но, если бы я поскользнулся, пробираясь в темноте по болоту, или упал в грязную лужу, инструмент мог серьезно пострадать. Пospешно убрав скрипку в футляр, я спрятал его в дупло на бревне, на котором сидел.

Вместо скрипки я взял с собой копьe. Тобер-Коув не нуждался в других скрипачах, что я и намеревался как можно яснее объяснить незнакомцу.

С детства я проводил много времени на болоте, поэтому знал все самые короткие пути и самые надежные тропы, но все же несколько раз поскользнулся и намочил штаны по колено. Впрочем, это меня не особо беспокоило, однако меньше всего хотелось случайно наступить на камень, который на самом деле окажется каймановой черепахой, зарывшейся в грязь, чтобы отложить яйца. Вот почему я, приближаясь к каждому встречавшемуся у меня на пути булыжнику, начинал с того, что осторожно постукивал по его верхушке тупым концом копья, проверяя, не появится ли злобная маленькая головка, готовая отгрызть кусок дpевка.

Музыка продолжала играть – отчетливо и громко. «Не заставляй меня выбирать» – песня длинная, на дюжину купле-

тов, в которых описываются добродетели двух мужчин, пожелавших разделить постель со взбалмошной двадцатилетней особой. Близится день, когда она должна будет навсегда выбрать свой пол и в результате закроет дверь перед одним из них и соединится с другим – вот только кто из них предпочтет остаться мужчиной? Подобная дилемма часто возникает в Тобер-Коуве, и потому песня пользуется популярностью среди его жителей, хотя Каппи принимает ее слишком близко к сердцу.

Вскоре я понял, что музыка доносится с середины болота, судя по всему, с небольшого островка, известного как Утинная отмель. Несмотря на название, уток там можно встретить редко – они избегают этих мест, потому что, согласно традиции, каждый год в канун Предназначения молодые люди ставят на отмели силки. Если богам угодно, чтобы вы выбрали конкретный пол, они пошлют вам утку соответствующего пола. Если же у богов нет в вашем отношении определенных планов, сетка останется пустой и вы можете выбрать тот пол, какой вам нравится. Прошло двадцать лет с тех пор, как в сетке последний раз запуталась посланная богами утка. Смеющаяся жрица приписала этот факт возросшей сообразительности уток. Впрочем, говорить подобное – ее работа.

Уже у самой Утиной отмели я вдруг сообразил, что готов нарушить правило, требующее полного уединения. Мне не положено было видеть других людей до восхода солнца, а неизвестный южанин, скорее всего, считался человеком, да-

же если Патриарший Закон не давал на этот вопрос прямого ответа.

Каким будет наказание за подобный проступок? Я не мог этого вспомнить, но старейшины постоянно искали повод, чтобы наложить лапу на большую часть моих доходов от музыки. Еще сегодня служитель Патриарха оштрафовал меня за то, что я предложил построить в нашем поселке крытый танцевальный павильон, такой же, как в Вайртауне. Можно подумать, я – единственный тобер, который считал, что нет ничего зазорного в заимствовании идей с материковой части полуострова. И все-таки я оказался единственным тобером, кто был наказан за подобное, – поэтому сейчас должен тщательно соблюдать любые, даже самые незначительные правила, в том числе и то, согласно которому запрещалось видеть кого-либо в канун Предназначения. Поэтому вместо того, чтобы прямо подойти к чужаку, я приблизился к нему так, что нас разделяли лишь заросли камыша, и крикнул:

– Эй!

Музыка прекратилась.

– Это земля тоберов, – сказал я. А дальше, надеясь, что это придаст мне уверенности, решил воспользоваться словами Патриарха, который с их помощью изгнал язычников, и процитировал: – «Очисти ее от своего присутствия и изыди в бездну вселенского зла. Будь ты проклят и знай, что даже твой запах меня оскорбляет».

– Что ж, более любезного приветствия я и не ожидал, –

послышался насмешливый голос. — Спасибо.

Я не мог понять, мужчина со мной разговаривает или женщина, к тому же без малейших признаков гортанного южного акцента.

— Кто ты? — спросил я.

Единственным ответом был громкий шорох тростника. Я быстро прикрыл глаза рукой, ожидая, что сейчас кто-то появится из стены камышей, но шум удалялся в противоположном направлении. Я затаил дыхание, прислушиваясь. Шорох становился все тише.

И снова наступила ночная тишина — если не считать стрекотания сверчков, кваканья лягушек и жужжания сотен стрекоз, летающих над отмелью. Я осторожно раздвинул камыши, готовый сразу же отвести взгляд, если чужак вернулся.

Посреди отмели на илистой земле горел костер. В его свете отчетливо было видно множество следов сапог, оставлявших четкие отпечатки, — городская обувь, ничем не похожая на мокасины, которые носили местные. Судя по всему, неизвестный скрипач провел здесь немало часов, но ничто не говорило о том, что он намеревался остаться здесь на ночь. Не было ни палатки, ни снаряжения, ничего, кроме костра, — словно чужак готов был сорваться с места и бежать, как только появится кто-то, заинтересовавшийся источником музыки.

— Я не собираюсь играть в прятки! — крикнул я в темноту. И тут же пожалел об этом — меня могла услышать Каппи!

Если она была достаточно близко, то могла догадаться, где я нахожусь, а, вообще говоря, мое присутствие здесь являлось очередным нарушением правил. Поставив ловушки, следовало держаться поодаль, пока...

Так-так...

Немного подумав, я подошел поближе – не для того, чтобы нарушить правила, проверяя ловушку до рассвета, но желая просто посмотреть, есть ли рядом с ней следы. И действительно, следы имелись, в большом количестве, а моя ловушка не была пуста!

В сетке неподвижно лежала запутавшаяся в ней утка. Меня охватило радостное возбуждение – я оказался первым человеком за двадцать лет, до которого снизошли боги!

Но избраннику богов следовало вести себя с подобающим случаю достоинством. Я осторожно поднял сетку за свисающий край, ожидая, что птица сейчас начнет отчаянно биться. Однако утка не шевелилась, а с ее тела на болотную грязь упала тяжелая капля.

Я медленно высвободил птицу из влажной сетки, хотя ставил ловушку на сухой земле, в двух шагах от воды. При свете звезд мои руки показались мне черными. Поднеся пальцы к носу, я почувствовал запах крови. Тело утки было холодным.

Оставив сетку на земле, я подошел со своей добычей к костру чужака. Огонь почти погас; я отломил несколько сухих камышинок и бросил их на? угли. Они с шипением вспыхнули, и в желтом свете пламени я смог внимательнее разгля-

деть утку.

Судя по окраске оперения, это был селезень. Однако под его хвостом не оказалось ничего, кроме окровавленных кишок, свисавших там, где ножом вырезали кусок плоти.

Итак, это был не самец. *Большие* не самец.

Схватив птицу за шею, я дважды раскрутил ее над головой и со всей силы зашвырнул прочь. Кувыркаясь в воздухе, тушка перелетела через заросли тростника и шлепнулась в воду. Несколько мгновений я стоял, тяжело дыша, затем пнул костер, который рассыпался множеством искр; некоторые из них зашипели, попав в воду. Я прошелся по отмели, методично втапывая остатки костра в грязь.

Чужак кастрировал мою утку. Утку, посланную мне богами, чтобы я, следуя их воле, избрал пол.

Нелюдь. Нейт. Существо среднего рода. Не мужчина, не женщина.

Это чудовище я видел лишь однажды, в детстве. Ужасные воспоминания: бледное лицо, жирное и опухшее, так близко; руки, поднимающие меня над землей, и собственный крик – вот-вот эта тварь сейчас расправится со мной! Потом кто-то отнимает меня у этого монстра, появились другие люди, которые бросали в него камнями и тыкали тупыми концами копий. Когда в лоб нейта попал острый камень, до крови рассекший кожу, он, точнее, она взвыла, бросила на меня голодный взгляд и убежала.

Именно так мы, тоберы, всегда относились к нейтам:

немедленное изгнание и смерть, если монстр попытается вернуться. Нейты были отступниками, мятежниками, еретиками. В течение многих поколений каждый представитель нашего народа выбирал себе пол на всю жизнь в свой Час Предназначения, добровольно отказываясь от другой, мужской или женской ипостаси. Однако нейты заявляли, что незачем отвергать половину своей сути, а жить следует в согласии и с женским, и с мужским естеством. И потому в Тобер-Коуве ненавидели нейтов так же, как можно ненавидеть любого, кто заявит, что все твои проблемы надуманны и ты создал их себе сам.

От самой мысли о том, что я должен стать нейтом, что именно этого пожелали боги, мне стало не по себе. Отвержение было столь сильным, что мой разум с трудом мог его вынести.

– Фуллин? – послышался голос Каппи, совсем близко, по другую сторону тростниковых зарослей, недалеко от того места, откуда я обратился к чужаку. Возможно, ее привело сюда пламя костра. – Что ты делаешь на отмели? – с неподдельным гневом спросила она.

– Здесь неподалеку кто-то скрывается, – ответил я настолько спокойно, насколько мог. – Кто-то опасный. Не шуми.

– Как тут может быть кто-то еще? – спросила она чуть тише.

– Я не знаю, что происходит, знаю только, что могут быть

неприятности, ясно? Иди куда-нибудь в безопасное место и оставайся там.

– Не говори со мной так!

– Каппи, прошу тебя...

Но тростники раздвинулись, и она вышла ко мне. Я вздохнул. Конец уединению.

К моему удивлению, на ней были штаны из отбеленного полотна. Возможно, этому не стоило придавать особого значения – ночью на кишасщем москитами болоте штаны куда удобнее юбки, – но я никогда прежде не видел ее в штанах в те годы, когда она была женщиной. Видимо, Каппи стащила одежду из отцовского шкафа – та была слишком велика для ее стройной фигуры. Удерживаемые на поясе подтяжками и плотно заправленные в носки штаны болтались на ней, словно парус. Рубашка тоже развевалась на ветру, мужская рубашка, слишком большая и свободная, так что очертания ее маленьких грудей лишь угадывались под тканью. И ее волосы... что и говорить, развеваться уже было нечему. Прекрасных длинных черных волос просто не стало. Еще несколько часов назад, когда за ужином Каппи кормила грудью свою дочь Пону, они свободно падали на ее обнаженные плечи – но теперь они были коротко и неровно подстрижены. Каппи-женщина оделась и подстриглась как мужчина. Возможно, подумал я, это лишь новое ухищрение, попытка вызвать мой интерес. Если так, то она не удалась – во внешности Каппи чувствовалось нечто тревожащее и неестественное. Тра-

диция Дня Предназначения позволяла кандидатам одеваться как угодно, но поселок все равно будет шокирован подобным зрелищем.

– Что ты с собой сотворила? – пробормотал я.

– Ничего, – последовал ответ. – Так что ты здесь делаешь?

В обычных обстоятельствах я бы солгал или просто отмахнулся от нее – по привычке, выработанной за прошедшие месяцы. Еще с зимы у меня пропало всякое желание чем-либо с ней делиться, и уж тем более – неприятными событиями. Однако сейчас она была настолько непохожа на себя, что я рассказал ей обо всем, то и дело украдкой бросая взгляд то на ее волосы, то на одежду. Она недоверчиво фыркнула, когда я поклялся, что тут был второй скрипач, но, думаю, вполне могла сообразить, что музыка доносилась с Утиной отмели, и видела, что моего инструмента при мне нет.

Когда я закончил свой рассказ, она тотчас же направилась к своей ловушке для уток. Не знаю, что меня испугало, но за ней я не пошел. Мгновение спустя я услышал ругательство, которого никогда не произнесла бы ни одна приличная женщина, и звук чего-то тяжелого, упавшего в воду.

Каппи медленно вернулась назад. В темноте я не мог различить выражения ее лица.

– У тебя тоже утка? – спросил я.

– По-моему, тебе следовало бы пустить в ход копье.

– Если ты думаешь, что я стану отслеживать этого чужака, то ошибаешься. Я не собираюсь нарушать свое уединение в

большей степени, чем уже успел.

– Тогда дай копье мне. – Она протянула руку.

– Не будь смешной. Ты женщина.

– Я лучше владею копьем, чем ты.

Я рассмеялся. Да, в свои мужские годы Каппи мастерски владела копьем, как при метании в цель, так и в поединках. Ей наверняка предлагали вступить в Гильдию воинов. Но в этом году она была женщиной и вряд ли в должной степени могла владеть оружием – несмотря на одежду.

– Ступай куда-нибудь в безопасное место, спрячься там, – опять предложил я. – Например, к тому мертвому дереву, где мы как-то видели сову, помнишь? Я тоже буду неподалеку от этого дерева; если чужак вернется, ты сможешь позвать на помощь, и я сразу прибегу.

Каппи подошла ко мне, и мне показалось, что она хочет меня обнять, подбодрить. Я развел руки, но тут ее кулак вонзился мне в живот и она подставила мне подножку. Я рухнул в грязь, не в силах подняться и ощущая на губах отвратительный привкус болотной жижи.

Копья в моей руке больше не было. Откуда-то сверху слышался голос Каппи:

– Иди... в безопасное место.

Несколько минут я лежал пластом, чувствуя, как отчаянно кружится голова. В конце концов мне удалось перевернуться на спину, так что я уставился на звезды, которые покачи-

вались перед глазами, словно пьяные светлячки. Мой желудок стремился вывернуться наизнанку, и не было никаких сил сдерживать позывы рвоты. Я просто ждал, пока случится неизбежное... Но вдруг все успокоилось, звезды замерли, и в голове у меня прояснилось.

За ужином Каппи кормила грудью Пону и, следовательно, однозначно относилась к женскому полу, в этом у меня не было никаких сомнений. Мы избегали встречаться друг с другом взглядами, но подобная напряженность в отношениях давно уже стала привычной. Потом мы разошлись, чтобы подготовиться к церемонии: она к своим родителям, а я к своему приемному отцу.

Похоже, вскоре после того, как мы расстались, в нее вселился дьявол. Или целый легион дьяволов. Когда дьяволы вселяются в женщину, они часто вынуждают ее думать, будто она мужчина. Хакур, служитель Патриарха, утверждал, что канун Предназначения – слишком священное время для того, чтобы дьяволы вылезали из своих нор, но Смеющаяся жрица говорила, будто для них это самая любимая ночь в году – воздух насыщен жизненной силой, которую они впитывают всей своей кожей.

Похоже, Смеющаяся жрица все-таки была права.

С трудом поднявшись на ноги, я огляделся по сторонам. Каппи не было, копыта тоже, только я один посреди тьмы.

Где-то далеко, возле того места, где Кипарисовый ручей впадал в Ершовый водопад, скрипка снова заиграла мелодию

«Не заставляй меня выбирать». Чужак явно пытался привлечь наше внимание. Глубоко вздохнув, я направился в ту сторону, откуда доносились знакомые звуки.

Я хорошо знал все тропинки на болотах – в детстве исходил их множество раз, со скрипкой у подбородка, воображая себя странствующим трубадуром. Благодаря этим прогулкам я узнал, какой силой обладает музыка – моя игра заставляла всю живность разбежаться в разные стороны. Многие из приметных мест на болоте я назвал в честь спугнутых там животных. Поросший крапивой клочок земли я окрестил Черепашым ужасом, полоска засохшей грязи стала Журавлиным страхом, а старая самоходная повозка, наполовину утонувшая в трясине, – Лягушачьим пугалом.

Старая машина казалась теперь не более чем кочкой посреди топи. Четыре столетия назад, до упадка цивилизации Древних, вероятно, через болото вела дорога, но теперь она исчезла, поглощенная трясинной и временем, так же как и все прочее, существовавшее на Земле в двадцатом веке. Когда я был маленьким, мне иногда нравилось воображать себе скелет водителя внутри завязшей в болоте машины, вцепившийся костяшками в рулевое колесо, с костлявыми ступнями на педалях. Впрочем, скорее всего, водитель успел выбраться из машины и крикнуть в небо: «Заберите меня отсюда!» И его забрал к звездам так называемый Союз народов – как и всех остальных изменников, покинувших планету в

годы Великого Опустошения.

Скатертью дорога.

Когда я забрался на радиатор машины, слышавшаяся впереди музыка оборвалась на половине фразы. Я прислушался. Тишина... а затем крик, за которым последовал тяжелый всплеск. Я бросился вперед, петляя среди высоких камышей, пока не выскочил на открытое место на берегу Кипарисового ручья.

Каппи стояла по пояс в воде, держа над головой копье, которое она явно была готова метнуть вниз, словно собираясь насадить на него рыбу. Я не видел, куда она целится, вокруг нее лишь плескалась черная вода. Она явно чего-то ждала, затаив дыхание и глядя в ручей перед собой.

На берегу у моих ног лежал смычок, а в нескольких шагах от него – сама скрипка, верхней стороной в грязи. Я поспешно поднял ее. Прекрасный инструмент, более легкий, чем мой, с более изящно отделанными колками. Струны были сделаны не из кишок, а из металлической проволоки. И где это незнакомец умудрился их раздобыть?

Вытирая грязь со скрипки, я услышал позади громкий плеск воды. Обернувшись, я увидел таинственного скрипача, поднимавшегося из ручья на расстоянии броска камня от Каппи.

Нейт, вне всякого сомнения! Домотканая рубашка обтягивала полные груди, слегка отвисшие с возрастом, но лицо покрывала густая борода. В руке она держала огромный нож-

мачете, поблескивавший в звездном свете.

– Тебе повезло, если моя скрипка не пострадала, – сказала нейт.

– Эй! – крикнул я.

Глупо, ведь никто из них до сих пор меня не заметил! Каппи повернулась на звук моего голоса, и в то же мгновение нейт бросилась на нее. Если бы вода не замедлила ее движений... Однако Каппи успела вовремя уклониться, выбив мачете из руки противника тупым концом копья, затем попыталась замахнуть, развернув копьё для удара острием, но едва устояла на ногах.

– Быстрее! – закричал я, но нейт уже исчезла, снова скрывшись под водой.

Каппи ткнула копьем в воду, но не попала.

– Осторожнее, чтобы эта тварь не схватила тебя под водой!

– Заткнись! – крикнула она в ответ, но все же попятилась к берегу, все время держа копьё наготове.

Я положил скрипку на относительно чистое место и подошел к Каппи.

– Вылезай и дай мне копьё.

– Нет.

– Ты не можешь сейчас драться, тобой овладел дьявол. Женщины весьма подвержены...

Нейт поднялась из воды справа от нас, совсем рядом. Каппи повернулась ей навстречу, высоко подняв копьё. Оружие

находилось от меня на расстоянии вытянутой руки, и, похоже, это был единственный шанс попытаться его отобрать. Я схватился за копьё в тот самый момент, когда моя подруга уже была готова нанести удар.

Похоже, я спас ей жизнь, иначе бы она напоролась прямо на нож, который нейт швырнула в ее сторону. Лишь благодаря тому, что я рванул копьё на себя, нож пролетел мимо. Каппи вскрикнула – но лишь от неожиданности, а не от боли, когда металл пронзает плоть.

Времени на то, чтобы поздравить себя с удачей, у меня не было. Рывок отбросил меня к берегу ручья, и мои ноги заскользили в грязи, словно полозья саней по снегу. Какое-то мгновение я еще пытался сохранить равновесие, а затем с громким плеском рухнул в воду, прямо между Каппи и нейт.

Вода ударила мне в ноздри, я почувствовал, как со мной столкнулось чье-то тело. Копьё выпало у меня из рук, и я вслепую ткнул кулаком, надеясь, что это не Каппи. Из-за сопротивления воды удар оказался несильным, но все же испугал моего противника, который шумно рванулся в сторону.

Ну что ж, хоть кто-то меня боится... Если это была нейт – тем лучше, но если Каппи – значит, нейт по-прежнему где-то рядом, готовая в любую секунду проткнуть меня ножом. Стараясь не высовываться над поверхностью, я отчаянно забил ногами по воде, пытаюсь увеличить расстояние между собой и ножом. Еще немного, и моя вытянутая рука коснулась противоположного берега ручья. Я осторожно припод-

нял над водой голову.

Нейт, Каппи и я стояли по углам большого треугольника: я у одного берега, Каппи у другого, а нейт посередине, в нескольких шагах вниз по течению. Копья у Каппи больше не было, видимо, она выронила его, когда я упал в ручей.

Не отводя взгляда от нас обоих, нейт спросила:

– Не зовут ли кого-то из вас Фуллин?

Вопрос застал меня врасплох.

– Нет, – быстро ответил я, повинувшись тому же рефлексу, благодаря которому лгал Каппи каждый раз, когда она интересовалась, о чем я на самом деле думаю.

Каппи промолчала.

– Что ж, тем лучше. – Нейт мрачно усмехнулась. – Двое против одного – не так уж и плохо, когда у меня нож.

Нейт направилась к середине ручья, оказавшись на одной прямой между Каппи и мной. В этом месте водный поток не слишком широк – от середины было лишь несколько шагов до каждого из берегов, где стояли мы с Каппи, ожидая, на кого из нас первым нападет это чудовище. Я пошарил за спиной в поисках какого-либо оружия – камня, который можно было бы бросить, палки, которой можно было бы ткнуть в глаза нейт, но ничего не нашел, кроме грязной деревяшки короче моей руки и легкой, словно кость, из которой высосали мозг. Она разлетелась бы в щепки от первого же удара ножа... Но я все же надеялся, что в темноте никто не заметит, сколь хрупко мое оружие.

Похоже, я все же выглядел достаточно угрожающе — и нейт устремилась не ко мне, а к Каппи.

Копье все еще было у нее — видимо, девушка прижимала его бедром к берегу, у самой поверхности воды, так что ее руки казались пустыми. Меня восхитила изобретательность вселившегося в нее дьявола. Быстро подняв копье, она ткнула им в нейт, та попыталась отразить удар ножом, но не вполне удачно. Послышался треск рвущейся ткани. В темноте я не мог понять, разорвало ли копье не только рубашку, но и плоть.

Впрочем, даже если копье и зацепило нейт, это осталось ею незамеченным. Она приблизилась к Каппи настолько, что у моей подруги не оставалось свободного места, чтобы еще раз замахнуться копьем, и подняла нож. Не раздумывая, Каппи бросила копье и обеими руками схватилась за руку нейт, державшую оружие.

Я поспешил ей на помощь. Притиснутая к берегу, Каппи не имела практически никаких возможностей для маневра, в то время как у нейт было явное преимущество в весе. Нож медленно приближался к лицу девушки. Если бы я сумел найти копье... Но оно утонуло в ручье почти сразу же, как только Каппи его выронила. Единственным оружием были мои голые руки, мои уязвимые руки музыканта. Еще секунду я колебался, пытаюсь решить, как мне спасти приятельницу, не рискуя повредить пальцы. Наконец я схватил нейт за плечи и изо всех сил рванул в сторону.

Во второй раз за эту ночь я спас Каппи жизнь. Мой рывок обрушил нейт на землю, и девушке удалось выбить из ее руки нож, который воткнулся в грязь. Еще мгновение спустя она наклонилась над нейт и с силой ударила ее кулаком в лицо.

– Беги! – крикнул я, пытаясь прижать к земле руки нейт.

И тут на берег рядом с моей головой ступил чей-то сапог – сапог, окруженный фиолетовым сиянием! Я поднял голову, чтобы взглянуть на его обладателя, но в ту же секунду о землю ударилась металлическая коробка, которая взорвалась, окутав все вокруг едким дымом.

Дым обжигал, словно сотня костров, и вонял хуже любой болотной гнили. Мой желудок уже успел пострадать от удара, полученного на отмели от Каппи, и теперь возвращал назад мой ужин; теплая рвота заливала мои руки, ненавистного противника, берег ручья. Я изо всех сил пытался не отпустить нейт, но мышцы мои вдруг ослабли, словно провисшая веревка. Каппи еще раз ударила ее в челюсть, однако сил у нее тоже не оставалось. Нейт обмякла – не от удара, но от дыма, и все мы трое беспомощно рухнули в грязь, обливаясь слезами и желчью.

Последним усилием я откатился в сторону, подальше от собственной блевотины. Мне хотелось погрузиться в ручей, чтобы смыть ее с себя, но я опасался, что могу попросту утонуть, будучи слишком слабым, чтобы удержать голову над водой. Я снова посмотрел на огненный сапог, а затем пере-

вел взгляд выше — на ногу, туловище, шлем.

Передо мной стоял рыцарь в полных доспехах. Не металлических, но сделанных из чего-то блестящего — судя по всему, древнего пластика. В шлеме не было никаких отверстий для рта или носа, только затемненное стекло перед глазами. Фиолетовое пламя, окружавшее незнакомца, не давало тепла, но шипело, словно спящая змея.

Сквозь дым я увидел, как Каппи с трудом вытаскивает из грязи мачете. Однако, прежде чем она успела им воспользоваться, рыцарь с легкостью выбил ногой нож из ее руки.

— «Долой мечи! Им повредит роса», — продекламировал он. — «Отелло», акт первый, сцена вторая. Впрочем, не думаю, что это кого-то интересует. Столетия назад мои предки могли произвести впечатление на деревенщину, цитируя Шекспира, но теперь для этого требуется слезоточивый газ. Ладно, не будем терять время. Приветствую вас.

Глава 2

УПРАЖНЕНИЕ НА СКРИПКЕ ДЛЯ ГОСПОДИНА НЕДУГА

– Дьявол тебя побери, Рашид, – проквашала нейт. – Это не смешно. – Она громко откашлялась и сплюнула.

– Не прикидывайся, – ответил рыцарь. – С тобой все в полном порядке.

Мы стояли по колено в воде, из наших глаз текли слезы, одежда была перепачкана рвотой.

– Кое-кому явно недостает чувства юмора, – пробормотал рыцарь. – Еще два дня, и начнешь останавливать незнакомцев на улицах, чтобы рассказать им эту историю.

Послышался легкий щелчок, и фиолетовое сияние вокруг доспехов исчезло. Вздохнув, рыцарь скользнул в воду рядом с нами. Я посторонился, пытаясь отползти дальше вдоль берега, хотя руки мои были слабы, словно веточки. Однако рыцаря я не интересовал; он обхватил нейт за плечи и помог этой твари выбраться на середину ручья, подальше от дыма возле берега. Там он склонился над ней и плеснул водой в ее слезящиеся глаза.

– Давай я тебя умою, – сказал рыцарь. – Сразу почувствуешь себя в сто раз лучше.

Эти слова обожгли сильнее, чем удушливый дым. Почти

то же самое сказала мне одна женщина год назад, и когда я вспоминаю об этом, мне всегда хочется крикнуть «Нет!», будь то днем или ночью.

Меня – скрипачку – пригласили в Соббл-бич, на юг полуострова, играть на свадьбе. То была хорошая весна для свадеб – я уже сыграла на трех и была приглашена еще на две до дня солнцеворота. Мужчины городка с восторгом посещали мои выступления – я не отличалась особой красотой, но вела себя, словно красавица, и одурачивала так многих. Впрочем, особого внимания удостоился молодой плотник по имени Йоскар, который всегда сидел в первом ряду. В промежутках между песнями, когда я с застенчивой улыбкой спускалась со сцены, Йоскар и я флиртовали друг с другом. Во время перерыва мы даже ускользнули через боковую дверь и провели несколько прекрасных минут на берегу. Естественно, в ход шли только губы и руки – я всегда была верна Каппи, даже если он находился далеко от меня.

Оказалось, что в жизни Йоскара есть кто-то еще. Я встретила соперницу после празднества, когда шла по тенистой кедровой аллее к лодке, которая должна была отвезти меня домой. Женщина двигалась очень тихо, и у нее был нож.

Ее первый удар пришелся мне в спину, но слишком высоко и в стороне – нож наткнулся на мою лопатку. Я едва не лишилась чувств; если бы соперница сразу же выдернула нож и перерезала мне горло, Господин День приветствовал бы нового скрипача в Золотых Полях. К счастью, женщина

оказалась не меньше меня удивлена тем фактом, что только что вонзила нож в мое тело. Она лишь тупо стояла и глядела на меня, и к тому времени, когда достаточно пришла в себя для того, чтобы предпринять повторную попытку, у меня в голове тоже прояснилось. Я едва успела выдернуть нож из собственной спины и зашвырнуть его в темноту, прежде чем соперница повалила меня на землю, пытаясь добраться до моего горла и выцарапать глаза.

Не знаю, как долго мы боролись – несколько минут или несколько секунд. Я лишь помню тепло ее и моего тела и запах пота от ее одежды на моем лице. В какой-то момент боль и крики пробудили мою мужскую половинку, дремавшую далеко отсюда, в Гнездовье, и душа ее устремилась на вороньих крыльях сюда, чтобы вселиться в мое тело. В то же мгновение я почувствовал себя сильнее и увереннее. Будучи мужчиной, я умел драться, и ни одна женщина не в состоянии была меня победить. И вместо того чтобы кусаться, я начал бить кулаками, стараясь попасть в наиболее чувствительные места женского тела.

Потом нас разняли какие-то люди, среди которых был и Йоскар. Он подошел к ней, а не ко мне, бормоча слова извинений и любви. Мужская душа во мне исчезла столь же быстро, как и появилась, и я снова превратилась в отчаянно рыдающую брошенную женщину. Мне хотелось снова начать драку, просто разодрать Йоскару ногтями лицо, но собравшиеся меня удержали. Меня увели в отдельную комнату

в свадебном павильоне, и женщина в красном платке целительницы сняла с меня одежду, чтобы промыть мои раны.

– Давай я тебя умою. Почувствуешь себя в сто раз лучше, – сказала она.

Ей было лет сорок с небольшим, у нее был приятный голос и мягкие руки, которые, зашив ножевую рану на моей спине («Очень неглубокая – повезло тебе»), принялись обрабатывать многочисленные укусы и царапины. Все это время она говорила о том, насколько ее восхитило мое выступление в тот вечер.

– Ты была полна огня! Никогда еще не видела подобной страсти.

Постепенно боль и возбуждение, оставшиеся после драки, прошли. Целительница все еще продолжала трудиться над моими ранами. У меня начала кружиться голова, я не могла вспомнить, были ли какие-то раны в тех местах, к которым она прикасалась, но я ей не препятствовала. Она поцеловала меня в правую грудь и прошептала: «Люблю». Я почувствовала, как моя спина выгнулась: тело жаждало продолжения.

Все, что я помню потом, – это жар наших тел, запах пота, тяжелое дыхание...

На рассвете я проснулась – одна, в той же комнате, лежа под тонким одеялом на полу. К моему удивлению, ко мне вновь вернулась моя мужская душа, захватив власть над моим женским телом, и я едва успела перевернуться набок, прежде чем меня стошнило от отвращения из-за того, что

я совершила. Целительница явно чем-то меня опоила – это было единственное объяснение тому, как я могла принять участие в подобном извращении. Две женщины! Как могла моя женская половинка оказаться настолько слабой, чтобы допустить подобное... нет, меня явно опоили. Иначе я бы никогда не...

Я выбежала на пляж, намереваясь дочиста оттереть свою кожу, смыть запах целительницы со своего лица, но, оказавшись в воде, тут же остановилась. Я все еще мысленно слышала женский голос, шептавший мне в ухо: «Ты почувствуешь себя в сто раз лучше...»

Стоя в воде возле берега Кипарисового ручья, я наблюдал, как рыцарь нежно умывает лицо нейт.

Он что-то тихо шептал ей на ухо, их лица были совсем рядом, и пальцы рыцаря мягко касались ее кожи. Как только я это увидел, то сразу же понял: они – любовники. Если бы в моем желудке хоть что-то оставалось, меня бы снова стошнило.

Какой мужчина ляжет в одну постель с нейт? Только тот, кому незнакомо чувство стыда. Тот, кто может открыто носить пластик Древних. Я сам носил пластик один-единственный раз в жизни, когда мне было восемь и мы с компанией ребят нашли в лесу возле шоссе на Фелисс свалку Древних. Весь день мы копались в ней и украшали себя всевозможным мусором – браслетами из зеленых проводов и капюшонами из пластиковых листов. Мне очень понравился найденный

мною пластиковый воротник, формой напомилавший подкову, но достаточно большой, чтобы его можно было надеть на шею, словно хомут. Мы вернулись в поселок, нацепив на себя все украшения и улыбаясь во весь рот, ожидая, что взрослые похвалят нас за находки. Вместо этого нас всех основательно отшлепали и пообещали, что мы обязательно заболеем той дрянью, которая навсегда обосновалась в отбросах.

Рыцарь, носивший пластиковые доспехи Древних, скорее всего, был ходячей чумой. Дымовая бомба, от которой нам стало плохо, – лишь начало, он наверняка оставит после себя заразу и эпидемии. Собственно, он мог быть самым Господином Недугом, божеством зла, ненавидящим жизнь.

От этой мысли я весь похолодел. Старейшины рассказывали немало историй о Господине Недуге, шагающем по земле. Чтобы встретиться с ним в поединке лицом к лицу, необходима истинная смелость, а победа возможна только благодаря магии.

Я с трудом выбрался из воды на берег. Ветер разогнал вонь, которую рыцарь назвал «слезоточивым газом», и, хотя глаза все еще жгло, силы начали возвращаться ко мне. Справа от меня Каппи знаками показывала в сторону мачете, которое лежало в камышах, там, куда отбросил его рыцарь. Я не обращал на нее внимания – простой нож не мог принести никакого вреда Господину Недугу. Даже если бы он и пробил доспехи, оттуда просто вырвался бы вихрь болезней, который опустошил бы наш поселок.

Вместо ножа я потянулся к скрипке. Музыка обладает безграничной очистительной силой, и я знал, что моя игра – единственная защита от угрожавшего нам зла. Патриарх учил, что песня способна победить дьяволов страха, а боевой гимн – призвать ангелов победы. Чтобы одолеть Господина Недуга, наверняка потребуется нечто большее, чем простая мелодия, но я был единственным человеком в поселке, который мог это сделать.

Скрипка и смычок лежали там, где я их оставил, оба покрытые грязью. Я слегка провел пальцами вдоль смычка, пытаясь очистить его, но при этом не снять слишком много канфоли, затем прислонился спиной к ближайшему бревну и приготовился играть.

Комок грязи ударил меня по ноге. Каппи пыталась привлечь мое внимание, снова показывая в сторону ножа. Сделав вид, что ничего не заметил, я поднес смычок к струнам.

Первым взмахом смычка я извлек из скрипки резкий и пронзительный звук ми-бемоль минор, и хотя он оказался не столь чистым из-за налипшей на смычок грязи, но все же достаточно громким для того, чтобы привлечь внимание рыцаря. Оставив нейт, он повернулся ко мне, выставив вперед обе руки, словно борец, ожидающий схватки.

– Ха! – сказал я.

– Прошу прощения? – переспросил он.

– Ха! – повторил я и сыграл арпеджио си-бемоль.

Рыцарь опустил руки и снова повернулся к нейт.

– Что он делает, Стек?

– Играет на моей скрипке.

Я снова сыграл ми-бемоль минор.

– Похоже на ми минор, – сказала нейт.

– Ми-бемоль минор! – заорал я.

– О, это намного сложнее. Похоже, он пытается произвести на нас впечатление.

– Я пытаюсь изгнать злого духа, – пояснил я.

– Из меня? – уточнила нейт.

– Из него. – Я показал смычком на рыцаря. – Это же Господин Недуг.

Нейт рассмеялась и обняла рыцаря за талию.

– Он думает, будто ты – Господин Недуг!

– Кто такой Господин Недуг?

– Бог.

– Понятно. – Рыцарь шагнул ко мне. – Молодой человек, я не бог, а ученый. В чем-то мы, конечно, похожи на богов, но не столь безответственны.

– Врешь! Патриарх убил всех ученых.

Я начал наигрывать «до». Не было никакого смысла играть в ином ключе, если мой враг страдал отсутствием музыкального слуха.

– Стек? – резко бросил рыцарь, поворачиваясь к нейт. – Почему ты мне не сказала, что они думают, будто никого из ученых не осталось в живых? Ты же знаешь, что я не хочу оскорблять чувства местных жителей.

– Я забыла.

– Ты думаешь, я идиот? – Не ожидая ответа, он снова повернулся ко мне: – Ваш Патриарх, хотя его мудрость и известна всему миру, не заметил маленького островка на другой стороне планеты, где жили ученые. Мы выжили, и примерным наказанием для нас стало само возмездие, которое обрушил Патриарх на головы наших сотоварищей. Теперь же мы живем совсем по-другому и творим только добро.

– Ты думаешь, мы идиоты? – спокойным тоном заметила Каппи.

– Не знаю, пока не проверял, – улыбнулся в ответ рыцарь. – Эксперимент – основа науки.

– Ты не ученый, – возразил я. – Ты Господин Недуг.

Я заиграл громче, все это время пытаюсь решить, какая музыка лучше всего подойдет, чтобы изгнать из него бога. Пока что мой репертуар для свадебных торжеств и праздников урожая казался мне несколько слабоватым для подобной цели.

– Рашид – ученый, – сообщила нейт своим странным, не то женским, не то мужским голосом. – Патриарх за всю свою жизнь убил лишь одного ученого, несчастную аспирантку-антрополога, которая хотела изучать Тобер-Коув для своей диссертации. Ей просто не повезло – если бы она появилась у нас несколькими годами раньше, еще до того, как Патриарх захватил власть и извратил все законы, она могла бы изучать нас столько, сколько бы ей заблагорассудилось.

Ее и так встретили со всем подобающим гостеприимством, но два дня спустя Патриарх с шестью воинами напали на нее во сне, изнасиловали, а затем сожгли, как обычно, на Путеводном мысу. Всех жителей поселка заставили смотреть, как покрывается пузырями и обугливается ее тело. На рассвете всем было приказано намазаться ее пеплом, чтобы разделить со всеми торжество победы над злом. Затем Патриарх объявил, что намерен очистить мир от ученых, и потребовал, чтобы Гильдия дома и очага вышила покрывало в память об этом деянии.

Конечно, я видел это покрывало в Патриаршем зале в доме мэра Теггери; мне даже разрешили спать под ним одну ночь, когда я получил первый приз на конкурсе юных дарований на осенней ярмарке в Вайртауне. Но это ни о чем не говорило. Дьявол всегда сумеет извратить даже самую замечательную правду так, что она будет казаться омерзительной до невозможности.

– Я тебе не верю!

Я продолжал играть на скрипке – проволочные струны скрипки нейт врезались мне в пальцы – в надежде, что вот-вот Господин Недуг развеется облаком жирного черного дыма.

– Совершенно верно, – ответил рыцарь, – не стоит верить всему, что слышишь. – Он с силой подтолкнул нейт в сторону противоположного берега. – За подобную ложь придется прополоскать рот с мылом.

– Ты ничего не знаешь о Тобер-Коуве, – обиженно про-
бормотала она.

– Я знаю одно – что первое впечатление о нас оказалось не
лучшим. – Рыцарь обернулся ко мне. – Мы уходим. Прошу
у вас прощения за беспокойство. В следующий раз, уверен,
будет намного лучше.

– Будет намного лучше, если вы станете держаться от нас
подальше, – мрачным тоном предупредила Каппи.

Рыцарь повернулся в ее сторону. В течение нескольких
долгих секунд она не отводила от него взгляда. Наконец ры-
царь не выдержал.

– Я пришел с миром. – Он пожал плечами. – Если что-то
не так, не я тому причиной.

– Причиной будешь ты, что бы ни случилось, – сказала
Каппи. – Помни об этом.

– Не будь дурой, – бросил рыцарь, словно грубость мог-
ла помочь ему победить в споре. – Где бы я ни появлялся –
всюду встречаю смертельно серьезных людей. Никак не пой-
му, с чего бы? Хотелось бы мне хоть раз оказаться там, где
мое появление не приведет ни к чему дурному...

Он повернулся и зашлепал по воде к нейт, стоявшей у
дальнего берега. Не говоря ни слова, схватил ее за ремень
штанов и с силой приподнял, так что эта тварь вылетела на
берег, приземлившись затем на четвереньки.

– Рашид! – заорала нейт. – Осторожнее, дьявол тебя по-
бери! Подумаешь, девчонка тебя достала, так незачем на мне

отыгрываться!

– Это ты меня достала, – ответил рыцарь громким шепотом, разнесшимся над водой. – Чем ты тут занималась? У нас есть дела и поважнее.

– Дай хотя бы забрать скрипку...

– Нет. Хватит скулить. – Рыцарь обернулся ко мне. – Побойсь об инструменте. Нам он будет нужен в хорошем состоянии.

– Изыди, исчадие тьмы! – крикнул я, снова начав играть.

– Прекрасно. Ухожу.

Неожиданно вода вокруг рыцаря пошла пузырями, словно множество мальчишек одновременно пустили под водой ветры. Рыцарь взмыл вверх, как будто поднимаясь на столбах дыма, бивших из его сапог. Я быстро задержал дыхание и повернулся к дыму спиной, опасаясь очередной порции рвотного газа. Однако этот дым ничем не походил на прежний – запах его был неприятен, но никаких последствий не вызывал.

Когда я снова повернулся к ручью, рыцарь и нейт уже исчезли, и об их недавнем присутствии напоминали лишь сложенные камыши. Я медленно опустил скрипку и смычок, чувствуя, как меня переполняет радость.

Я победил Господина Недуга.

Да, он не превратился в вонючую лужу, но что еще можно было ожидать от упражнений на скрипке, особенно на ноте «до». Возможно, стоило продолжать играть ми-бемоль ми-

нор. Может, тогда бы он вспыхнул ярким пламенем и сгорел.

Глава 3

ОПОРА ДЛЯ СМЕЮЩЕЙСЯ ЖРИЦЫ

Каппи нырнула, а когда появилась снова, лицо ее было намного чище, и она снова держала в руке мое копье. Положив его на берег, она выбралась из ручья и села рядом, с ее одежды ручьями текла вода.

Несмотря на мужскую одежду, сейчас она определенно была женщиной; темные соски отчетливо просматривались сквозь мокрую ткань рубашки. Я представил себе, как ошупываю их пальцами, прикасаюсь к ним губами, и внезапно меня охватило такое желание, какого уже не было много месяцев. После того как Господин Недуг был повержен, мне страстно хотелось отпраздновать победу.

– Каппи... – начал я.

– Нет.

– Ты даже не знаешь, что я собирался сказать.

– Это же и так ясно. – Каппи направилась к валявшемуся ножу и подняла его. Какая у нее замечательная походка – по-мужски энергичная и по-женски изящная! – Когда тебе хочется потискаться, – продолжала она, – твой голос всегда звучит одинаково, а на лице появляется идиотское выражение. Или ты так представляешь себе лукавую улыбку?

– Да что с тобой? – не выдержал я. – Полчаса назад ты распевала «Наша любовь наполнит нас», а теперь будто изолда сделана. Не говоря уже о том, что нарядилась в одежду своего папаши. Ты случайно не курила дурман-траву со Смеющейся жрицей?

– Нужно идти домой, предупредить людей, – сказала она, заправляя рубашку в штаны.

На ее носу засохла полоска грязи. Я злился на Каппи, но мне отчаянно хотелось очистить ее нос поцелуями.

– Сегодня канун Предназначения, – напомнил я. – Нам нельзя возвращаться в поселок. Мы должны пребывать в уединении.

– Расставляй приоритеты, Фуллин, – бросила она. – На болоте появились нейт и ученый, и ты не собираешься ничего сообщить людям?

– Людям можно будет сказать, – согласился я. – Потом. После. Пойдем полежим.

– Можешь заниматься этим со своей проклятой скрипкой, но не со мной.

Бросив на меня яростный взгляд, она подняла копье и побежала. Бег ее был плавным и легким – так бегают воины. Я открыл было рот, собираясь потребовать, чтобы она меня подождала, но вовремя остановился. Каппи, скорее всего, не стала бы ждать, а для мужчины, если женщина ему не подчиняется, подобное означало потерю лица. В конце концов я крикнул: «Только не сломай мое копье!», но недостаточно

громко для того, чтобы она услышала.

Теперь у меня не оставалось выбора, кроме как возвращаться в Тобер-Коув, будь то канун Предназначения или нет. Если Каппи появится там, а я нет, старейшины скажут, что я послал женщину, чтобы принести известие, на которое мне не хватило смелости самому. Не говоря уже о том, что она наверняка изложит все случившееся по-своему, и далеко не обязательно это будет соответствовать действительности. В конце концов, Каппи была одержима дьяволом, о чем я постоянно забывал.

Но я знал, как следует поступать с дьяволами. Взяв скрипку нейт под мышку, я направился в сторону поселка.

Вскоре я пожалел о том, что позволил Каппи уйти с копьём, – каждый камень, попадавшийся мне на пути, казался мне каймановой черепахой. Я подумал было о том, чтобы постукивать по камням смычком, но не мог решиться на подобное, отчетливо представляя, как зубастые челюсти с хрустом сокрушают хрупкое дерево и конский волос. Я пытался убедить себя в том, что это не мой смычок, но от этого мне не становилось легче. Что поделаешь, музыканты – впечатлительный народ.

Я начал обходить каждый подозрительный камень, который мог бы оказаться затаившейся черепахой, и в итоге сошел с тропы, которая вела прямо к Тобер-Коув. Никто не мог бы сказать, что я заблудился, – я выдерживал направле-

ние, ориентируясь по сухому дереву, возвышавшемуся над камышами посреди болота, – но когда наконец добрался до леса, где черепах уже не было, то оказался вдалеке от исхоженных троп.

Расстояние от поселка до любой части леса можно измерять возрастом людей, использующих эти места в качестве убежища. Самые маленькие дети строят свои крепости среди деревьев неподалеку, лишь бы их нельзя было заметить с башни здания Совета. Становясь постарше, они забираются дальше, в поисках свалок Древних и разрушенных зданий, которых, по их мнению, никогда не видел никто из тоберов. Парочки подростков проникают еще дальше, чем их болтливые братишки и сестренки, где на подстилке из колючих еловых веток они читают друг другу любовные стихи и рассказывают истории о привидениях – лучшее приворотное зелье, известное четырнадцатилетним. Убежища ребят постарше – уединенные лужайки, где они размышляют о том, насколько несправедлива жизнь, и рассказывают друг другу, как все будут сожалеть, если найдут их болтающимися в петле на ветке старого дуба. Вскоре большинство из них возвращаются на места любовных утех, но некоторые со временем отдаляются все больше, пока их связь с Тобер-Коувом не прерывается и они не оказываются в глубине полуострова, в городах на Юге.

Избегая черепах, я забрался в самую глушь, часть леса, знакомую лишь отшельникам и случайным охотникам. Од-

нако это все еще была земля тоберов, и отчетливо выделяющаяся тропа вела назад, в сторону поселка. Несомненно, она должна была вскоре привести меня в более знакомые места.

Я едва успел пройти двадцать шагов, когда заметил в лесу слева от меня желто-оранжевый отблеск костра. Здравый смысл подсказывал избегать его – ни один одинокий путешественник не заходил столь далеко от главной дороги. Вероятнее всего, это был какой-то беглец из Фелисса. Ежегодно в наших лесах скрывались несколько воров и убийц; Гильдия воинов выслеживала их и отправляла за вознаграждение обратно. Это было выгодное дело – в течение пятнадцати лет деньги, полученные за головы преступников, полностью покрывали расходы на содержание рыбной палатки Тобер-Коува на осенней ярмарке в Вайртауне.

При мысли о том, что я могу встретиться с преступником так скоро после недавней драки, у меня внутри все перевернулось. С другой стороны, Каппи уже добралась до поселка и изложила свою версию происшедшего. Вероятнее всего, она изобразила меня не в лучшем свете – а люди в поселке настолько завидовали моим успехам, что рады были бы любому поводу для того, чтобы смотреть на меня свысока. Конечно, я мог попытаться как-то объяснить, почему я явился домой так поздно. И рассказ о встрече с неизвестным разбойником послужил бы достаточным оправданием.

Стараясь производить как можно меньше шума, я положил скрипку под кустом и начал пробираться сквозь заросли

к костру. Вскоре я услышал треск горящего дерева, достаточно громкий для того, чтобы заглушить любые производимые мной звуки. Мне удалось подобраться совсем близко, и я, – выглянув из-за поваленной ели, увидел перед собой освещенную поляну.

Костер был разложен на краю одной из многочисленных известняковых плит, часто встречающихся в наших лесах. В его ярком свете я увидел Смеющуюся жрицу – старую Литу, скорчившуюся на ржавой железной скамейке. В лесу полно подобных вещей – вся эта территория когда-то была природным парком Древних, и они, судя по всему, любили украшать природу скамейками.

Лита была одета в зеленое, в седых волосах виднелись ромашки, а с пояса свисали сухие стручки. Она сидела, закрыв лицо руками; треск костра заглушал все прочие звуки, но по тому, как вздрагивали ее плечи, я понял, что она плачет.

Никому на свете не хочется спрашивать плачущую женщину: «Что случилось?» Ты пытаешься убедить себя в том, что она тебя еще не видела и можно уйти до того, как тебя заметят. Но настоящий мужчина всегда проявляет сочувствие, как бы ни тяжело было притворяться, будто тебя действительно волнуют чужие слезы.

Глубоко вздохнув, я произнес:

– Привет, Лита, как дела?

Она закричала. Вернее, лишь коротко вскрикнула – вряд ли я успел ее всерьез напугать. И тем не менее приложила

руку к груди и пошатнулась, словно намеревалась лишиться чувств. Что за наигранное поведение!

– Это всего лишь я.

– Фуллин! – простонала она. – Ты меня до полусмерти напугал!

– Все в порядке, – кивнул я и добавил, чтобы ее успокоить: – Красивое у тебя платье.

Она посмотрела на меня так, словно намеревалась вцепиться мне в горло, но затем улыбнулась.

– Это моя одежда ко дню солнцеворота. Нравится?

– Стручки очень даже к месту, – одобрил я с умным видом. – Просто и со вкусом. – «Что бы еще сказать?» О том, из-за чего она плакала, я в любом случае спрашивать не собирался – у меня просто не хватило бы терпения выслушивать какую-либо горестную историю. – Прекрасная ночь, верно? И нет такой жары, как на прошлой неделе.

– Возможно, будет жарче, – заметила Лита.

– Думаешь?

– Сегодня солнцеворот, – сказала она, переходя на хорошо знакомый тон, которым всегда рассказывала всевозможные истории. – Вершина лета, когда Господин День в самом расцвете сил, а Госпожа Ночь увядает. Ты знаешь, что это значит?

– У Госпожи Ночи есть время на то, чтобы привести в порядок свою коллекцию драгоценных камней?

(В течение дня Госпожа Ночь обшаривает землю в поис-

ках драгоценных камней, которые она затем обрабатывает и вывешивает на небе в виде звезд.)

– Это время церемонии солнцеворота, – сказала она. – Время танца, который склоняет чашу весов вновь в пользу Госпожи Ночи. Иначе день становился бы все длиннее и жарче, пока не наступил бы момент, когда солнце вообще бы не зашло и земля бы воспламенилась.

– Да, в этом не было бы ничего хорошего. Отец Каппи рассказывал мне об орбитах планет, их вращении, наклоне оси и так далее, но сейчас было не слишком подходящее время для того, чтобы обсуждать вопросы небесной механики, особенно после того, как Лита перестала плакать. Самое то – похлопать ее по плечу и уйти, прежде чем она вспомнит, что в первую очередь было причиной ее слез. Я осторожно коснулся ее плеча.

– Удачной церемонии. Я, пожалуй, пойду.

– Подожди, Фуллин... мне нужен мужчина.

Я удивленно посмотрел на нее.

– Ничего такого, – усмехнулась она. – Танец солнцеворота должен исполняться женщиной и мужчиной. Священная двойственность – я ведь учила тебя этому.

Если она меня этому и учила, то тогда я был женщиной. В мои женские годы случилось много такого, чего я не мог вспомнить, будучи мужчиной... или, вернее, много такого, запоминанием чего я себя попросту не утруждал. В годы, когда я был женщиной, моя мужская душа крепко спала в

Гнездовье, и пытаться вызвать в памяти воспоминания моего женского «я» равносильно попыткам вспомнить сновидение. Тем не менее Лита нуждалась в поддержке.

– О да, священная двойственность, – пробормотал я. – Мужчина и женщина.

– И мне нужен ты как мужчина. – Положив ладонь мне на плечо, она пристально смотрела на меня туманными зелеными глазами. – Пожалуйста.

Наша Смеющаяся жрица знала мужчин еще лет за сорок до моего рождения. Уступить ей я не считал проявлением слабости, кроме того, я мог сказать Совету старейшин, что действительно спешил домой с новостью о чужаках, однако мне пришлось задержаться, чтобы помочь жрице провести церемонию. К тому же Лита смотрела на меня так, будто намеревалась вновь разрыдаться, если я скажу «нет».

– Что мне делать? – вздохнув, спросил я.

– Танцевать, – ответила она. – Это просто. Найди немного листьев и вплети их себе в волосы.

Я посмотрел на землю, затем на окружавшие нас ели и сосны.

– Иголки подойдут?

– Это тоже листья.

Я подобрал горсть рыжих гниющих иголок и снова вздохнул – потребовались бы недели, чтобы полностью вымыть их из моих волос. Стараясь не морщиться, я высыпал мусор себе на голову и пригладил ладонью.

– Этот танец надолго? Мне нужно назад в поселок.

– Я думала, у тебя канун Предназначения, – сказала Литта. – Разве оно не завтра?

– Кое-что случилось.

– Кое-что, касающееся и Каппи тоже?

Я осторожно взглянул на нее.

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что я хотела, чтобы Каппи исполнила в этой церемонии роль мужчины, – ответила Литта. – Она даже позаимствовала одежду у своего отца, чтобы соответственно выглядеть.

Что ж, одна тайна разрешилась. Я вспомнил, как одевался в мужское платье, будучи девочкой-подростком. Тогда я пряталась за дверцами шкафа и вздрагивала при каждом шорохе, но все же надела костюм целиком – штаны, рубашку, куртку, плащ. Встав наконец перед зеркалом, полностью одетая, я чувствовала себя и мужчиной и женщиной одновременно... Да, я была восхищена увиденным, ощущением тяжести куртки на моей груди. Легко понять, как женщиной, одетой в мужскую одежду, может овладеть дьявол; однако я была достаточно сильна для того, чтобы этому сопротивляться, но Каппи – нет.

Я почувствовал, как от воспоминаний о моем тайном грехе во мне нарастает возбуждение, и попытался поскорее отвлечься.

– Если двойственность настолько священна, – сказал я, –

насколько правильным будет использовать Каппи в роли мужчины?

– В любой церемонии внешний вид намного важнее реальности. – Лита пожала плечами. – И Каппи хотела принять в ней участие. Действительно хотела.

– Игнорируя канун Предназначения?

– В дополнение к нему, – поправила Лита. – Всего лишь на час или около того. – Она бросила на меня взгляд, словно размышляя, стоит ли говорить больше. – Суть в том, – наконец тихо сказала она, – что девушка, которая хочет стать следующей жрицей, просто обязана нарушить некоторые правила. В особенности странные правила Патриарха, касающиеся ночного бдения накануне Предназначения.

– Каппи? – переспросил я, не веря своим ушам. – Следующая Смеющаяся жрица?

– Почему бы и нет?

– Потому что... потому что...

Я не мог сказать ей этого прямо, но женская религия – не более чем мешанина из глупых ритуалов. Патриарх терпел ее лишь потому, что желал избежать враждебных настроений среди женщин. Он часто говорил, что женская религия его забавляет и звание Смеющейся жрицы значит для него не больше, чем звание городского пьяницы или местного дурачка. В течение многих лет поселок гордился своими жрицами и любил их, но сейчас любовь сменилась формально-уважительным отношением.

Каппи не могла поступить столь неразумно. Во всяком случае, для меня в этом не было ничего хорошего. Да, я не собирался оставаться с ней после Предназначения, но все равно пошли бы разговоры и пересуды.

– Каппи не подходит для подобного занятия. Разве больше никого нет?

– Я и так чересчур с этим затянула. Доктор Горалин... – Лита откашлялась. – Горалин посоветовала мне начинать приводить свои дела в порядок. А по традиции следующую жрицу выбирают из ближайших кандидатов на Предназначение. Так что я могла выбрать только Каппи. Или тебя.

– Тогда почему ты выбрала ее, а не меня?

– А ты бы согласился?

– Ни за что!

– Вот и ответ. – Лита наклонилась над джутовым мешком, лежавшим на земле, и достала из него красный пояс, украшенный звериными когтями – от громадного желтого медвежьего когтя с обломанным концом до серого коготка, который мог бы принадлежать мыши или синице. – Не двигайся, – сказала она и повесила пояс мне на плечо.

Она немного повозилась, пытаясь получше расположить когти. Я затаил дыхание, чувствуя себя не вполне комфортно от ее близости и от того, что она воспринимала меня как куклу. Мне не нравилось, когда женщины столь сосредоточивались на моей одежде, – создавалось впечатление, будто одежда настоящая, а я – нет. Чтобы снова привлечь к себе

ее внимание, я спросил:

– Если тебе требовалось выбрать преемницу, почему ты так долго ждала?

На меня пристально смотрели водянистые глаза.

– Однажды я уже выбрала себе преемницу... Но ничего не вышло.

– Почему?

– Она хотела использовать свое положение для того, чтобы настоять на определенных переменах. Я пыталась убедить ее, что быть жрицей – это духовный пост, а не политический, но Стек не стала меня слушать.

Стек? Так-так...

– Если этот пост находится в надежных руках, он может быть и политическим, – слышался голос за моей спиной. – Ты слишком боишься раскатать лодку, Литя.

Голос не был ни мужским, ни женским. Я вздрогнул и обернулся.

– Спасибо, что позаботился о моем инструменте, – кивнула нейт, поднимая скрипку, которую я оставил в кустах.

Рыцарь тоже был здесь, и оба они стояли позади ели, за которой я до этого прятался.

– «Так мы с тобой на Кипре», – сказал рыцарь. – Отелло, акт второй, сцена первая. Здесь, конечно, всего лишь Кипарисовая топь, хотя Шекспир имел в виду остров Кипр. Так что это просто каламбур. И, должен отметить, довольно забавный.

Мы тупо уставились на него. Наступила долгая тишина.

– Ну да, конечно, – наконец пробормотал он. – Вам просто завидно, что вы сразу об этом не подумали.

Глава 4

ТАНЕЦ ДЛЯ ГОСПОЖИ НОЧИ

– Тебе нечего тут делать, Стек, – сказала Лита.

Нейт – Стек – пожала плечами.

– И тем не менее я здесь.

– Зря.

Смеющаяся жрица, шаркая ногами, двинулась в ее сторону, шурша подвешенными к поясу стручками. Я в замешательстве отвел взгляд. Эта одежда казалась вполне уместной, пока мы с Литой были одни в лесу; но стоило появиться посторонним, как она стала выглядеть жалкой и потрепанной. Не имело никакого значения, что этими посторонними были нейт и Господин Недуг. Наверняка им более привычны роскошно одетые городские женщины с причесанными и уложенными волосами, высокие, с изящными фигурами. Теперь же, когда они увидели меня в обществе маленькой коренастой старухи, увешанной стручками и ромашками, я почувствовал себя униженным до глубины души.

Лита, однако, не испытывала ни малейшего смущения. Указывая коротким пальцем на нейт, она сказала:

– Разве ты не помнишь, чему я учила тебя, Стек? Я учила тебя задавать вопросы. «Какая будет от этого польза?» Этот вопрос всегда должен быть первым. А затем второй: «Какой

будет от этого вред?»

Ты задавала эти вопросы, Стек? Нет. Знаю, что нет. Поэтому что если бы ты их задала, ты бы поняла, почему тебе не следует сюда являться.

– Стек присутствует здесь в качестве моей помощницы, – сказал рыцарь, шагнув ближе к костру.

Одним движением руки он откинул шлем, и я увидел его волосы – густые и угольно-черные, длинные, как у женщины. У него были свисающие усы и тяжелые веки; лицо его выглядело чужим, но вполне человеческим, без язв и ползающих личинок мух, как полагалось бы Господину Недугу. Возможно – возможно! – он таковым не являлся, но, по его признанию, был ученым, и это ничуть не лучше.

Несколько мгновений рыцарь стоял молча, освещенный пламенем костра, словно думал, будто мы узнаем его после того, как он снял шлем. Потом он пожал плечами и снова заговорил:

– Меня зовут Рашид, а Стек – моя бозель. Вам знакомо это слово?

– Конечно, – ответил я.

Даже детям было известно, что «бозель» – это помощник кого-то важного, мэра или дворянина, возможно даже вельможи вроде губернатора или Лучезарного. Неужели Рашид считал нас дураками, думая, что мы этого не знаем? Или, возможно, он просто намекал на то, что занимает достаточно высокое положение для того, чтобы иметь бозеля – как

граф или герцог из провинции Фелисс. Он наверняка знал, что здесь это не имеет никакого значения – Тобер-Коув обладал правом на независимость от самих Лучезарных, и в пределах наших границ даже новорожденный младенец-то-был ценнее тысячи герцогов.

– Мы все знаем, кто такой бозель, – ответила Лита. – Думаешь, это что-то меняет? – Она даже не посмотрела в сторону Рашида; взгляд ее был прикован к нейт, однако он не был суровым, скорее мягким и просящим. – От твоего появления будут одни лишь неприятности, Стек, ты же знаешь. Какая от тебя может быть польза после всех этих лет? Уходи, пока не стало слишком поздно.

Нейт посмотрела на нее, ничего не сказав в ответ. Это был один из тех моментов, когда вокруг чувствуется какая-то недоговоренность и ты не имеешь ни малейшего понятия о том, что же на самом деле происходит, когда так и хочется крикнуть: «Требую объяснений!» Но иногда, как теперь, при виде умоляющего выражения на лице Литы и смотрящих на нее глаз Стек, темных, словно вода озера в полночь, – иногда начинает казаться, что их дурацкие проблемы вообще тебя не волнуют.

Рашид, однако, был не из тех, кто готов был молча созерцать чужую игру в гляделки.

– Послушай, – вмешался он, – Стек совершенно незачем уходить, поскольку ничего страшного не случится. Я ученый и пришел посмотреть вашу церемонию Дня Предназна-

чения. Вот и все. Я ни во что не собираюсь вмешиваться – просто наблюдать. Стек же здесь в первую очередь как моя бозель, а во вторую – потому, что она может помочь мне ближе узнать ваши обычаи.

– Если Стек собирается рассказать тебе об обычаях тоберов, почему бы не начать с нашего обычая убивать нейтов на месте? – пробормотал я.

– «Обычай непохвальный и достойный уничтоженья». – Рашид посмотрел на нас, словно чего-то ожидая, а потом едва ли не простонал: – Ведь это же из «Гамлета»! Все знают «Гамлета»!

– Я знаю только одно, – сказал я, – любой мужчина в нашем поселке попытается убить нейт, стоит ей у нас появиться. Впрочем, некоторые женщины тоже, – добавил я, подумав о Каппи.

– Варварство, – буркнул он. – Лишь из-за того, что кто-то не такой, как другие...

– Нейты сами решили быть «не такими», – прервал я его. – Они знают закон тоберов, но тем не менее отказываются выбирать пол. Патриарх говорил, что стать нейт – то же самое, что стать вором или убийцей. Но нейты еще легко отделяются по сравнению с другими преступниками. Их не секут розгами, не заковывают в цепи, не казнят – просто изгоняют прочь и говорят, чтобы они больше не возвращались.

– Какое великодушие! – прошипела Стек. – Нас гонят в глубь полуострова, в непонятные нам города, где нас прези-

рают и считают уродами. Нас избегают друзья, нас разлучают с нашими любимыми и детьми...

– Стек, хватит! – Я никогда не слышал, чтобы Лита столь резко повышала голос. Обычно я считал наших жриц скромными, тихими женщинами, но сейчас она набросилась на Рашида, упершись пальцем в его зеленый пластиковый нагрудный щиток. – Ты говоришь, будто не хочешь ни во что вмешиваться, мастер Рашид, лорд Рашид, или как тебя там... но ты *уже* вмешиваешься в наши дела. Сейчас я должна была исполнять танец в честь солнцеворота. Я должна была принести добро миру, вместо того чтобы тратить время на чужаков, которые только всем мешают!

– Танец в честь солнцеворота! – проговорил Рашид, с восторгом беря ее ладони в свои руки в перчатках. – Чудесно! Стек, отойди, дай им место. Да, мне следовало заметить – стручки, ромашки, что-то там в волосах у молодого человека... очень красиво, очень естественно. Чисто пасторальный мотив. Современное язычество порой может выглядеть просто очаровательно, согласна, Стек? Ощущение чего-то домашнего, сельского, исконного. Насколько я понимаю, этим танцем у вас сопровождается смена времен года? Или его цель какая-то иная?

– Нет, – ответил я, однако Лита и Стек хором заявили:

– Да.

– На самом деле, – попытался настоять я, – нам не следует об этом говорить, правда, Лита? В женской религии навер-

няка есть какие-то запреты, не позволяющие делиться тайнами с посторонними?

– Нет. – Жрица покачала головой. – Тайны свойственны лишь мужчинам.

И она начала излагать Рашиду всю историю Госпожи Ночи и Господина Дня и о том, что Земля может сгореть в пламени, если она не станцует, чтобы сместить равновесие от света снова к тьме. Рашид достал из отделения на поясе своих доспехов блокнот и стал что-то торопливо записывать, то и дело бормоча: «Восхитительно!» или «Великолепно!» Что еще хуже, нейт тоже принялась комментировать, снисходительным тоном вещая о ежегодном флирте Господина Ветра с Госпожой Листвой или о постоянных зловключениях Госпожи Ночи, всегда начинавшихся с того, что кто-то говорил: «Хочешь, я достану тебе звезду с неба?..»

Лично мне хотелось залезть в костер и сгореть дотла. Мало того что приходилось выслушивать заявления жрицы, будто она лично ответственна за солнцестояние, так еще и эта тварь сообщала идиотские версии старых добрых историй...

Да, всем хорошо известно, что выставить богов в смешном свете совсем нетрудно. Достаточно лишь доли сарказма, немного преувеличений и желания быть вульгарным. Вместо того чтобы продекламировать: «Госпожа Листва облачилась в свои ярчайшие одежды в тщетной попытке вновь разжечь страсть Господина Ветра», можно просто сказать: «Госпожа

Листва вырядилась как последняя шлюха, но у Господина Ветра все равно на нее не встало».

Но это чересчур по-детски. Так может вести себя тринадцатилетняя девочка, желая показать мальчишкам, на какие дерзости она способна. Когда становишься старше, начинаешь содрогаться при воспоминании о своих словах и поступках; впрочем, даже если тебе известно, что смена времен года происходит из-за наклона оси вращения планеты к ее орбите вокруг Солнца, старые истории все равно что-то для тебя значат. Почему бы не исповедаться Госпоже Ночи, когда не можешь понять причину постоянных неудач в любви? Может быть, она и не самая мудрая, зато умеет хранить тайны. А выходя в море на лодке, ты по десять раз на дню беседуешь с Господином Ветром... естественно, уважительно, ибо у него дурной характер, но если хорошо попросить, он может подарить тебе легкий бриз или лишние полчаса до начала шторма.

Боги – это не шутка; они каждодневно ходят среди нас, только мы далеко не всегда их замечаем. И оскорбить их – то же самое, что оскорбить свою семью.

– Не буду больше тебя задерживать, – сказал наконец Рашид. – Продолжай свой танец.

К тому времени я сидел спиной ко всем троим, пытаюсь делать вид, будто не слышу их беседы. Собственно, почему я до сих пор был здесь, вместо того чтобы бежать в поселок

и сообщить о ней? Впрочем, если бы кто-то меня спросил, я мог бы сказать, что не хотел оставлять Смеющуюся жрицу одну с чужими, что я хотел понаблюдать за ними и послушать, о чем они говорят, пока не пойму, что у них на уме. Но на самом деле Каппи лишила меня шанса совершить благородный поступок, и вряд ли стоило надеяться на то, что новая возможность подвернется. Так что я попросту убивал время, тыкая в огонь палкой. Я смотрел, как палка вспыхивает, затем гасил ее, воткнув в землю, затем снова совал в костер. Развлечение было не слишком захватывающим, но другого все равно не находилось. На плечо мне опустилась чья-то рука – Лита.

– Пора начинать. Прошу тебя...

Рашид ждал моего ответа, занеся карандаш над блокнотом. Одна половинка меня стремилась кинуться сломя голову в лес, послав их всех к дьяволу; вторая же готова была сделать что угодно, о чем бы ни попросила жрица, лишь бы показать этим чужакам, что тоберы всегда вместе и друг друга в беде не бросают.

– Конечно, – кивнул я. – Что мне нужно делать?

– Танцевать – вот, собственно, и все.

Она протянула руку, помогая мне встать. Я взял ее, но поднялся сам – жрица была настолько маленькой и хрупкой, что иначе я бы просто ее опрокинул. Когда мы оказались рядом, ее макушка едва доставала мне до подбородка – невысокая седая женщина, которая через несколько лет могла впол-

не стать прапрабабушкой. Однако она крепко держала меня за руку, обняв другой за талию – так, как это делала Каппи на воскресных танцах, когда я откладывал скрипку и выходил с ней на площадку. Мгновение спустя Лита положила голову мне на грудь.

В последние месяцы мне удавалось избегать танцев с Каппи, и сейчас неуютно и странно было ощущать рядом с собой теплое прикосновение Литы. В конце концов, должны ведь церемониальные танцы хоть чем-то отличаться от воскресных танцулек? Церемониальные танцы должны были быть... целомудренными. В том, как жрица прижималась ко мне, было куда больше священной мужской-женской двойственности, чем я ожидал.

– Давай, – сказала Лита, крепко обнимая меня. – Нужно танцевать.

Я осторожно обнял ее. Она подтолкнула локтем мою правую руку вниз, так что моя ладонь оказалась на волосок от ее ягодиц.

– Как я понимаю, – обратился Рашид к жрице, – ты изображаешь Госпожу Ночь, а юноша – Господина Дня?

– Именно так, – последовал ответ через плечо. – Давай, дорогой, – повернулась она ко мне, – не разочаровывай меня. Мы танцуем. Держи меня как полагается.

С некоторой неохотой я сжал ее чуть сильнее, Лита наклонилась ко мне – так, как женщина наклоняется к мужчине, когда у нее не хватает терпения на предварительные

формальности.

– И этот танец, – снова заговорил Рашид, – каким-то образом передает энергию... космическую силу... нечто мистическое... от Господина Дня к Госпоже Ночи, чтобы восстановить равновесие света и тьмы?

– Ты говоришь, будто Патриарх! – возмутилась жрица. – Этот танец уходит своими корнями в древние времена Тобер-Коува, еще до появления Патриарха. В нем нет ничего двусмысленного, он лишь восстанавливает порядок вещей.

– Каким образом?

– Слова ничего не объяснят, – раздраженно отозвалась она. – Лучше помолчи. Слова лишь мешают.

Пожав плечами, Рашид уселся на краю невысокой каменной осыпи. Бозель расположилась у ног хозяина, прислонясь к его закованному в латы бедру в позе, явно рассчитанной на то, чтобы меня оскорбить. Впрочем, внимание мое было приковано вовсе не к ней, а к толчкам стручков на поясе Литы, похрустывавших о мой пах.

Мы медленно начали танец, обняв друг друга, словно любовники. Никакой музыки, не было слышно вообще ни звука, кроме потрескивания костра. Сначала я танцевал с открытыми глазами, глядя на темные деревья вокруг, изо всех сил стараясь не замечать Рашида и Стека. Глаза Смеющейся жрицы были закрыты, и на ее морщинистом лице играла тень улыбки – видимо, ей грезились другие танцы, другие мужчины или, возможно, другие женщины из ее давно минувших

мужских лет.

Я попытался представить себе прошлые танцы с Каппи и другими, подумать о чем-либо другом, кроме запаха увядших ромашек в волосах Литы, а также то и дело щекочущих мою грудь звериных когтей.

Мы медленно покачивались, переступая с ноги на ногу то вперед, то назад... Собственно, это был даже не танец, в нем не было четких движений, определенного ритма, просто медленное перемещение туда-сюда. Следует ли вести ее в танце, ведь я был мужчиной? Но когда я попытался направлять наши движения, мы начали наступать друг другу на ноги, и ладонь Литы, лежавшая на моей спине, сжалась в кулак.

Я полностью отдался ее воле.

Шло время. Костер превратился в угли. Постепенно я перестал ощущать когти на моем поясе, стручки и все прочее, оказавшееся между нашими плотно прижавшимися друг к другу телами. Лита и я танцевали в полной темноте, одни среди деревьев. Отвлекающие мысли о Рашиде, Стек и Каппи куда-то исчезли, и я перестал о чем-либо беспокоиться, о чем-либо думать, перестал ощущать течение времени – но танец продолжался.

Двое в спящем лесу.

Шаг туда – шаг обратно в тишине и темноте.

В какой-то момент мы остановились – не потому, что так решил кто-то из нас, а потому, что танец просто закончил-

ся, и мы еще несколько секунд или минут стояли неподвижно, прижавшись друг к другу. Потом мы разошлись, удивленно моргая, словно проснувшиеся дети. Я подумал о том, что, может быть, нужно поклониться и сказать: «Спасибо». Но все мое тело словно налилось свинцом, и я не в состоянии был произнести ни слова. Я медленно отвернулся к деревьям, чтобы не видеть Литу, не видеть Рашида и Стека, о чьем присутствии только что вспомнил. Несмотря на тепло середины лета, я чувствовал себя замерзшим и... голым.

Жрица ткнула в костер палкой – возможно, хотела пошевелить угли, а может быть, чувствовала себя так же, как и я, и ей нужно было время, чтобы прийти в себя. Наконец она пробормотала, не поднимая головы от углей:

– Все. Конец.

– Все? – спросил Рашид. – Это вся церемония?

– Да, вся, – ответила женщина, голос ее звучал сдавленно, и я почему-то забеспокоился, что она может сердиться на меня.

– Но ведь ничего не произошло! – громко возразил рыцарь.

– Произошло. – Лита говорила все так же, ни на кого не глядя. – Нельзя свести двоих вместе без того, чтобы что-то не произошло. Возможно, те, кто пришел со стороны, и не замечают изменений, но они реальны. Когда ты спокоен и в достаточной степени устал, то перестаешь притворяться и беспокоиться. Несколько секунд ты не пытаешься быть тем,

кем не являешься; в течение этих секунд существуют лишь двое *настоящих* людей, и они находятся в равновесии друг с другом. Я и мальчик, Госпожа Ночь и Господин День. Потом, конечно, мы снова начинаем притворяться, поскольку реальность на самом деле ужасна; но мы уже добились равновесия – и изменений.

В это мгновение я восхищался ею, ее верой. Необходимость защищать свой ритуал перед Рашидом, вне всякого сомнения, привела ее в замешательство – женщина, вероятно, тоже знала о вращении, орбите и наклоне оси планеты, однако она все же решилась станцевать свой танец, так как была жрицей. Единственная магия во всей вселенной могла существовать лишь в ее голове, но этого было вполне достаточно.

Возможно, по-другому и не бывает.

Рашид открыл рот, собираясь задать очередной вопрос насчет наших абсурдных «предрассудков», но его прервала стрела, вылетевшая из темноты, и вспышка фиолетового пламени.

Глава 5

ВЗЯТКА ДЛЯ БОННАККУТА

За первой стрелой сразу же последовала вторая, и на этот раз я отчетливо увидел, что именно произошло. Стрела ударила прямо в незащищенный шлемом череп Рашида, но, прежде чем успела пронзить его висок, наткнулась на невидимый барьер. Наконечник, сделанный из кремня, вспыхнул, словно упавшая в кузнечный горн соломинка; пламя было столь жарким, что мгновенно испепелило древко и опечение. Несколько мгновений после вспышки у меня перед глазами еще плыли красные пятна, но во вновь наступившей темноте хорошо был виден фиолетовый туман, окутывавший лорда с головы до пят.

Такой же туман окружал и нейт, все еще прижимавшуюся к своему любовнику.

Еще одна стрела ослепительно вспыхнула, ударившись о фиолетовую бахрому, и тут я сообразил, что нам со Смеющейся жрицей следует как можно быстрее убираться из зоны обстрела, ведь нас не окружало никакое сияние. Я обернулся к ней, намереваясь прикрыть своим телом, — оберегать женщин своего поселка было обязанностью каждого мужчины. Однако Литя уже сама скрылась в темноте, так что вместо того, чтобы совершить стратегическое отступление, ге-

роически защищая свою слабую спутницу, я нырнул в кусты, словно застигнутый врасплох на помойке енот.

Присев за толстым стволом березы, я смотрел, как на фоне черного неба вспыхивают фиолетовые отблески. Сколько же там было лучников? Похоже, вся Гильдия воинов. Вероятно, Каппи подняла их с постели, вернувшись в поселок, и они пришли с болота на эту поляну по следам тяжелых сапог незваного гостя. Первые несколько стрел предназначались Рашиду, так что Каппи, скорее всего, рассказала о его вонючем газе; теперь же выстрелы распределялись поровну между рыцарем и нейтом, пытаюсь пробить фиолетовую преграду, защищавшую обоих.

– Может быть, хватит? – крикнул Рашид сквозь треск и шипение сгорающих стрел. – Мое силовое поле рассчитывали весьма умные головы из Союза народов. Без лазерных ружей или газовых бомб у вас нет никаких шансов.

Насколько я мог видеть, он был прав: все попытки нападавших сводились лишь к бесполезному расходу стрел. Впрочем, Гильдия воинов не отличалась умением разрабатывать новые стратегии. Если кого-то не удавалось свалить с ног дубиной, попытку пытались повторить, взяв дубину побольше. Израсходовав на Рашида и Стек весь свой запас стрел, воины наверняка пустили бы в ход копья, мечи и большой железный топор, который всегда таскал с собой наш первый воин, Боннакут.

Этот самый топор поставил меня в затруднительное поло-

жение. Что было лучше – закрыть глаза, когда Боннакут замахнется им на Рашида, чтобы меня не ослепило вспышкой, когда топор взорвется? Или все же посмотреть, какое выражение будет на лице у парня, когда его сокровище превратится в дым прямо у него в руках?

Непростой выбор. Столь сильная вспышка могла навсегда меня ослепить, но и рожу Боннакута в этот момент тоже очень хотелось бы увидеть. Почему я его так ненавидел? Скажем так – наш первый воин не любил музыку. Он был на пять лет меня старше и остро завидовал моему таланту, сам никакими талантами не обладая – а был просто большим, сильным и злобным. Видимо, этого хватило, чтобы в рекордное время пробиться на самый верх Гильдии воинов.

Если подобная бессмысленная трата стрел была типичной «тактикой» Боннакута, о безопасности Тобер-Коува стоило всерьез беспокоиться.

Несмотря на царившую вокруг суматоху, Рашид продолжал спокойно сидеть на том же камне, с которого он наблюдал за танцем, обняв Стек одной рукой за плечи. Другой рукой он прикрывал глаза от вспышек фиолетового пламени, возникавших в дюйме от его лица. Такое хладнокровие не могло не восхищать – будь я мишенью для стольких лучников, я бы постоянно вздрагивал, как бы ни защищал меня дьявольский огонь.

Стрелы все еще продолжали лететь, когда Литта высунула голову из-за ближайшего дерева и крикнула:

– Я всего лишь глупая женщина, но, может быть, ты сумеешь меня развеселить!

Этими словами всегда начиналась проповедь Смеющейся жрицы, и обычай тоберов требовал прекращать все свои дела, чтобы дать ей высказаться. На мой взгляд, вероятность того, что Боннакут позволит другим воинам прекратить стрельбу, составляла пятьдесят на пятьдесят; но возможно, он решил, что Лита предложит более действенный способ уничтожить чужаков, и готов был ее выслушать. В лесу наступила тишина – больше не было слышно ни звона тетивы, ни треска пламени. Лита, откашлявшись, начала:

– Я лишь хотела сказать, что, возможно, вам стоит победить стрелы на тот случай, когда они могут действительно понадобиться. Зрелище, конечно, замечательное... но что, если, например, дикая кошка или медведь заберутся на пастбища, прежде чем мастер Уингхэм успеет сделать новые? Мы потеряем наш скот, и вряд ли это кому-то понравится.

– Нейты тоже никому не нравятся, – слышался хриплый голос – естественно, Боннакута.

– Верно, – согласилась жрица, – но ведь твоими стрелами их проблему не решить, не так ли?

– Никакой проблемы не существует, – сказал Рашид, поднимаясь на ноги. Нейт тоже поспешно встала, обнимая Рашида за пояс; я мог различить лишь окружавшее обоих фиолетовое сияние. – Стек и я никому не принесем вреда. Мы просто хотим посмотреть вашу завтрашнюю церемонию.

– Еще чего! – отрезал Боннакут. – Стек изгнали отсюда двадцать лет назад, вполне по закону. А Каппи сказала, будто ты ученый. Это тоже против закона.

– Все эти законы запрещают кем-то быть, – криво усмехнулся Рашид. – А есть у вас законы, которые запрещают что-то делать? Например, пытаться убить гостей, которые пришли с миром?

– Патриарх никогда не отличался гостеприимством, – внесла свою лепту Стек.

– Я готов смириться, – отнюдь не милостивым тоном проговорил Боннакут. – Если вы сейчас же уйдете, мы вас отпустим.

– О, как великодушно! – Рашид закатил глаза.

– Иначе мы убьем вас – здесь и сейчас.

Если бы это сказал кто-то другой, а не Боннакут, я, возможно, и попридержал бы язык; однако я ненавидел его еще с тех пор, когда он был двенадцатилетней девочкой, которая выкинула мои нотные листы в выгребную яму. Я не мог упустить шанса ткнуть его носом в противоречия в его же собственных словах, даже если это означало встать на сторону чужаков.

– Ну давай, Боннакут, – крикнул я из кустов, – ты же сам знаешь, что этих двоих ты даже оцарапать не сумеешь. Хватит строить из себя великого воина, лучше отведи их в поселок – пусть с ними разбираются мэр и Совет.

На дальнем краю поляны зашелестели листья, и появил-

ся Боннаккут. В темноте я мог различить лишь его силуэт – массивные плечи, такая же грудь, массивный топор в руке.

– Вот оно что! – Он выставил топор в мою сторону. – Смотрите-ка, новый любитель нейтов выискался. И почему только это меня не удивляет?

– Зато меня удивляет. – Стек вытянула шею, чтобы взглянуть на меня. – Откуда этот внезапный проблеск здравого смысла?

– Танец солнцеворота способствует здравомыслию, – ответила Лита, избавив меня от необходимости объясняться.

– Если уж говорить о здравомыслии, – весело сказал Рашид, – может быть, все-таки пойдем в Тобер-Коув?

– Стоит тебе появиться в поселке, как тут же начнутся беспорядки. – Боннаккут занял позицию прямо перед нами, недвусмысленно покачивая топором. – А беспорядки нам ни к чему.

– Мне тоже, – заверил его Рашид. – Предпочитаю спокойную обстановку. Есть у вас в поселке какая-нибудь местная стража?

– Я Боннаккут, первый воин Гильдии воинов Тобер-Коува. Я охраняю мирную жизнь.

– Значит, это «дважды воин» – твой официальный титул, – пробормотал Рашид. Потом добавил уже громче: – Так уж получилось, что я пришел с официальным мирным предложением к главе местной полиции. Похоже, самый подходящий момент для того, чтобы его передать.

Не ожидая ответа, он полез в карман на бедре и достал что-то, чего я не мог разглядеть в темноте.

– Это классическая «беретта», модель 92F – автомат. Знаешь, что это такое?

– Огнестрельное оружие, – ответил Боннеккут. – Пистолет. Стреляет пулями.

– Именно так. В нем пятнадцать патронов девятимиллиметрового калибра, а у Стек в багаже есть еще шестьдесят. Порох и капсюли – гарантированно свежие. Каждый патрон, думаю, можно продать за двадцать крон на черном рынке в Фелиссе. Что касается самого оружия... Стек, как насчет пяти тысяч крон за «беретту 92F» в идеальном состоянии?

– Зависит от того, знают ли покупатели в Фелиссе что-либо о пистолетах, – отозвалась она. – Множество так называемых коллекционеров не могут отличить прекрасно сохранившийся пистолет вроде этого от проржавевшей железяки, которая при первой же попытке выстрелить взорвется в руках.

– Ты отдаешь мне пистолет? – спросил Боннаккут, похоже, еще не вполне понимавший, о чем речь.

– Нет, – резко возразила Лита. – Последнее, в чем нуждается Тобер-Коув, – это в новом способе убийства людей. Тебе должно быть стыдно, лорд Рашид, что ты принес его с собой.

– Такой ответственный человек, как первый воин, вряд ли воспользуется пистолетом для неразумных целей. – Рашид

протянул оружие Боннаккуту, рукояткой вперед. – Держи.

– Это взятка? – уточнил первый воин.

– Да, – ответила жрица.

– Нет. – Рашид покачал головой. – Это доказательство того, что я пришел с миром, что я уважаю законы Тобер-Коува и тех, кто обеспечивает их исполнение. Возьми же.

– Не смей! – приказала Лита.

Однако первый воин осторожно шагнул вперед, держа наготове топор, – не знаю, чего он ожидал от Рашида или Стека, но, так или иначе, ничего не произошло. Они продолжали спокойно стоять, в то время как Боннаккут протянул руку, взял пистолет и поспешно отступил назад.

– Он действительно работает? – спросил он.

– Прицелься и нажми на спуск, – предложил Рашид. – Я не стал ставить его на предохранитель, поскольку все равно знал, что ты захочешь попробовать.

Никого не удивило, что первый воин тут же выстрелил – в Рашида. Сразу же за выстрелом последовали две яркие вспышки: желто-оранжевое пламя, вырвавшееся из ствола, и фиолетовое – на доспехах. С шипением и треском на землю упали Каппи расплавленного свинца. Рыцарь в пластиковых доспехах небрежно затоптал сапогом язычки огня там, где успели заняться еловые иглы.

– Прежде чем ты попытаешься еще раз, хочу тебе напомнить, что каждый патрон стоит двадцать крон и когда они кончатся, новых не будет. Так что подумай, стоит ли распро-

странять по лесу вонь от ценного пороха, или все же отведешь меня и Стек в Тобер-Коув?

Несколько мгновений Боннакут стоял неподвижно, взвешивая пистолет в руке. Я вполне мог представить, что сейчас творится у него в голове. Боги, покровительствовавшие Тобер-Коуву, ненавидели огнестрельное оружие. И Смеющаяся жрица, и служитель Патриарха говорили, что Господин Ворон и Госпожа Чайка могут прекратить освящать своим присутствием День Предназначения, если хоть какой-то пистолет или ружье появятся на расстоянии дня пути от поселка. С другой стороны, Боннакута наверняка тянуло к этому пистолету не меньше, чем муху на дерьмо. Ему хотелось всюду расхаживать с ним, внушая страх женщинам и зависть мужчинам. Ему хотелось, чтобы по всему полуострову разошелся слух о том, что у первого воина Тобер-Коува есть «беретта».

– Ради всего святого, убери эту дьявольскую штуку, – попросила Лита.

– Что, страшно?

– Конечно. Да еще в канун Предназначения! Отдай ее своему самому быстрому бегуну, и пусть бежит с ней подальше от земли тоберов, пока Госпожа Чайка и Господин Ворон не прогневались!

– Если положить ее в лодку, будет еще быстрее, – заметил Боннакут. – Если мэр решит, что это необходимо.

– Ну что ж, пусть решает мэр. – Рашид улыбнулся. – Так

или иначе, буду рад с ним встретиться. У меня для него тоже кое-что есть.

– Ничем хорошим это не кончится, – мрачно пробормотала жрица.

– Хватит болтать, – бросил ей Боннаккут. – Это ведь ты ругала нас за то, что мы зря тратим стрелы, так радуйся теперь, что все закончилось. Мы возвращаемся в поселок, и пусть мэр дальше разбирается сам. Обсуждения, переговоры... разве не ты всегда говорила, что проблемы нужно решать путем обсуждений и переговоров?

– Я бы предпочла поменьше лишних разговоров, – ответила она, глядя на пистолет в его руках.

– Чего еще ждать от женщин с их непоследовательностью? – сказал первый воин, ни к кому конкретно не обращаясь. Потом повернулся к кустам и крикнул: – Выходите! Поведем их в поселок.

Когда из темноты появились члены Гильдии воинов, Боннаккут демонстративно сунул пистолет за пояс. Рашид поморщился.

– Стек, – прошептал он, – покажи, как ставить оружие на предохранитель, пока он чего-нибудь себе не повредил.

Глава 6

ПЕРВАЯ ПРОПОВЕДЬ ДЛЯ КАПШИ

Лита шла впереди, шелестя подвешенными к ее поясу стручками. За ней следовали трое воинов Боннаккута – Кай-оми, Стэллор и Минц, известные задиры и забияки еще со времен моего детства, а замыкали шествие Рашид, Стек и я.

Рашид все время обнимал Стек за плечи, даже в тех местах, где тропинка была настолько узкой, что они наступали друг другу на пятки. Очевидно, ему хотелось, чтобы нейт постоянно находилась под защитой фиолетового сияния, исходившего от его доспехов. Предосторожность Рашида была вполне разумной – если бы Стек хоть на мгновение оказался беззащитной, Боннаккут наверняка бы выстрелил ей в спину. Поскольку я шел позади нейт, а Боннаккут – впереди меня, я был рад, что ему не представится шанса воспользоваться подарком, поскольку сам находился прямо на линии огня.

Когда дорога стала достаточно широкой для того, чтобы по ней могли идти рядом друг с другом трое, я поравнялся с Рашидом и Стек, так чтобы не оказаться между нейт и пистолетом.

– Еще раз приветствую. – Рашид улыбнулся. – Ну, как де-

ла? Очухался от слезоточивого газа?

– Все в порядке, – ответил я и добавил чуть тише: – Жаль, что ты использовал его против меня, а не Боннакута.

– Там, у ручья, – сказал он, – вы со своей подружкой готовы были продырявить кишки моей спутнице – пришлось принимать радикальные меры. Но на поляне Стек находилась под защитой моего силового поля, так что мы вполне могли подождать, чем закончится дело. Кроме того, я был без шлема. Если бы я пустил в ход газ, со мной случилось бы то же, что и с остальными.

– И поделом, – буркнул я.

– Хватит ворчать. Ты сам только что сказал, что прекрасно себя чувствуешь. Лучше расскажи поподробнее о себе и о Тобер-Коуве. Тебе сколько лет?

– Двадцать, – ответил я.

– То есть завтра, в Предназначение, ты выбираешь себе постоянный пол?

– Совершенно верно.

– И ты в самом деле менял пол каждое лето с тех пор, как родился?

– В первое лето пол не меняется, – вмешалась нейт. – Госпожа Чайка слишком мягкосердечна для того, чтобы разлучать младенцев с их семьей. Детей забирают только после того, как им исполнится год.

– Вполне справедливо. – Рашид пожал плечами и снова повернулся ко мне: – Ты родился мальчиком или девочкой?

– Девочкой, – ответил я.

– Значит, ты стал мальчиком на следующее лето после того, как тебе исполнился год, девочкой – когда тебе исполнилось два, опять мальчиком – когда тебе исполнилось три...

– Именно так. – Я хотел, чтобы по моему тону он понял, до какой степени мне наскучил разговор на эту тему.

Впрочем, мне уже приходилось давать объяснения. Во всем мире наш маленький уединенный поселок – единственное место, где боги позволяли детям ежегодно менять пол, так что каждый раз, отправляясь в город играть на скрипке, я вполне мог ожидать, что меня неоднократно спросят об этом. Вот, например, Йоскар, плотник, с которым у меня в свое время был роман, просто закидывал меня вопросами: неужели я и в самом деле год назад был мужчиной? Стану ли я им снова после солнцеворота? Когда я перестану быть женщиной, будут ли мне нравиться мужчины? Или я все время люблю мужчин, или и мужчин, и женщин, или как...

Я никак не мог решить, считать ли подобные вопросы неприличными или же просто банальными. Никто же не интересуется у женщины: «Ну и каково это – иметь грудь?» или у мужчины: «Не странно ли это – иметь пенис?» На таком уровне о себе просто не думаешь...

Однако Рашид не принадлежал к числу тех, кто прекращает задавать вопросы лишь из-за того, что собеседник не проявляет интереса.

– И еще, – продолжал он, – Стек сказала мне, что все жите-

ли Тобер-Коува рожают детей в возрасте девятнадцати-двадцати лет.

– Да, в последний год перед Предназначением, – кивнул я. – Завтра в полдень несколько юношей отправятся в Гнездовье с Господином Вороном, а на закате все они вернутся уже беременными женщинами. Через пять-шесть месяцев на свет появятся дети.

– Конечно, – добавила нейт, – отцом детей считается Господин Ворон... хотя ребенок, когда подрастет, часто оказывается удивительно похожим на кого-то другого из жителей поселка.

Я бросил на нее сердитый взгляд. Кому, как не бывшему тоберу, знать, что Господин Ворон специально делал этих детей похожими на других, чтобы они ничем не выделялись среди своих ровесников. Потомство Господина Ворона и без того пользовалось немалым авторитетом по сравнению с теми, чьими отцами были люди, так что никакая особая внешность им не требовалась.

Но у меня не было никакого желания препираться с нейт. Я лишь сказал Рашиду:

– Господин Ворон становится отцом для детей тоберов для того, чтобы каждый из нас испытал, что такое рожать, кормить грудью и так далее, прежде чем выбрать себе в Предназначение тот или иной пол. Мы должны знать все о том, что такое быть женщиной, и все о том, что такое быть мужчиной.

– Вы рождаете детей... и, как я полагаю, у вас поощряются сексуальные отношения...

– Особого поощрения для этого не требуется. – Стек усмехнулась.

Я яростно уставился на нее, чувствуя, как у меня внутри все переворачивается при виде ее глумливой рожи.

– Значит, каждому тоберу, – продолжал – Рашид, – приходится заниматься любовью и как мужчине, и как женщине...

– Не каждому, – снова вмешалась Стек. – Некоторые обнаруживают, что счастливы только будучи женщинами, и при этом далеко не с каждым мужчиной.

Встретив мой удивленный взгляд, нейт поспешно добавила:

– Хотя часто бывает и наоборот.

– Так или иначе, насколько я могу понять, предыдущий опыт весьма важен, когда пытаешься решить, в какой ипостаси следует провести всю свою жизнь. – Рашид пустился в разглагольствования. – И вероятно, вы благодарны судьбе, когда у вас оказывается серьезная причина для того, чтобы предпочесть один пол другому. Например... гм... как приятнее заниматься любовью, как женщине или как мужчине?

Кайоми, Стэллор и Минц, не отличавшиеся особым интеллектом, недовольно заворчали. Позади нас Боннакут пробормотал нечто похожее на ругательство, и даже Стек буркнула:

– Рашид, ты меня смущаешь.

– Что я такого сказал? – удивился он.

Никто не ответил. Нам задавали этот вопрос множество раз – корабейники, проходившие через наш поселок, торговцы из Вайртауна, покупавшие у нас рыбу и зерно, даже полумертвый пират, которого однажды прибило к нашему берегу. Как приятнее заниматься любовью – как мужчине или как женщине? Когда этот вопрос задают в первый раз, кажется, будто он продиктован обычной завистью из-за того, что нам знакомы обе стороны постельных отношений. Но после того как вопрос повторяется снова и снова, то с насмешкой, то совершенно искренне, возникает вполне естественное желание забиться в угол и разрыдаться.

С некоторыми мужчинами лучше, чем с другими, верно? И с некоторыми женщинами лучше, чем с другими. А лучше всего – с тобером, поскольку нам знакомы все слабые и сильные стороны как того, так и другого пола.

Молчание затягивалось, и жрица решила высказаться на столь животрепещущую тему.

– Если бы секс был приятнее в теле женщины, в Тобер-Кову проживали бы исключительно женщины, разве не так? А если бы в этом смысле лучше было быть мужчиной, мы приняли бы единодушное решение. Но население поселка состоит из мужчин и женщин примерно поровну, так что это должно тебе кое о чем говорить. Не только о том, кому с кем нравится спать, но и о соотношении мужского и женского вообще. Жители поселка свободны в своем выборе, и выби-

рают они примерно пополам. Подумай об этом.

– Лучше думай про себя, – прорычал Боннакут. – Хватит болтать.

Видимо, нашему уважаемому первому воину не хотелось, чтобы Рашид задавал очередные глупые вопросы, которые столь часто приходится слышать тоберам от чужаков. И в данном случае я был с ним полностью согласен.

Дальше мы шли молча. Высоко над головой плыли тучи, которые гнал с озера ветер, однако звездного света до сих пор было вполне достаточно. Время от времени где-то ухала сова, а один раз Лита крикнула, чтобы мы остановились, когда тропу перешел дикобраз. Будь это обычная ночь, кто-то из воинов наверняка пустил бы в животное стрелу, просто из принципа; проклятые твари обожали грызть соленое дерево, в результате чего постоянно обгладывали сиденья в наших нужниках, оставляя после себя выпавшие иглы. Большинству тоберов эти иглы вонзались в зад хотя бы раз в жизни, и потому большинство тоберов ненавидели дикобразов. Но воины, похоже, израсходовали все свои стрелы на то, что Рашид называл «силовым полем», а Боннакут сэкономил патроны для более достойных мишеней.

В конце концов мы добрались до берега водоема, которое мы называли Мать-Озеро, хотя на вайртаунских картах оно именовалось Цаплиным. Тоберское название явно было лучше; цапли – болотные птицы, которые никогда и но-

гой не ступили бы в эту глубокую воду. Даже в день летнего солнцеворота вода была настолько холодной, что при попытке нырнуть перехватывало дыхание. Родители заставляли детей привязываться веревками, когда те шли купаться, и пару раз за сезон приходилось ими пользоваться, вытаскивая на берег тех, кто начал задыхаться в ледяной воде. Рыбаки, выходявшие на озеро на лодках, тоже привязывались веревками и надевали спасательные жилеты Древних, позаимствовав их с железного корабля, выброшенного на берег в Старой гавани четыреста лет назад.

Несмотря на предосторожности, люди погибали. В том числе и моя мать – я родился, когда ей было двадцать. Старейшины рассказывали, что она выбрала себе в Предназначение мужской пол, пошла работать в рыбацкую артель и пропала без вести во время жестокого шторма...

Такова еще одна причина, по которой мне нравилось название Мать-Озеро.

Но в этот канун Предназначения озеро было спокойным, на каменистый берег ритмично накатывались невысокие волны. На водной глади точками выделялись небольшие островки и далеко на севере – вытянутая каменистая отмель, называвшаяся Медвежьей задницей. Почему – не знаю, никогда особо не интересовался медведями.

Еще через десять минут мы обогнули восточный мыс и увидели сам Тобер-Коув. С такого расстояния и в темноте я не мог различить ничего, кроме радиоантенны Древних на

Патриаршем холме, зато ощущал запах родного дома. Преобладали запахи пристани – свежей и соленой рыбы, ожидавших переработки на удобрение отбросов, пахло также скотным двором и сладкими цветами клевера.

Но над всеми ними главенствовал густой запах пиршества, обычно редкий летними вечерами, но сегодня был солнцеворот, и из каждой трубы шел дым. Завтра – День Предназначения. Всю ночь в кухонных печах жарилось мясо и пекся хлеб, варилась картошка и булькала похлебка из раков с фасолью; все готовились к празднику в честь... скажем так, в честь меня. И конечно Каппи. Нас двоих, достигших возраста Предназначения, – на один день мы стали любимцами всего поселка.

Дверь здания Совета открылась, и кто-то вышел на белую цементную площадку у подножия лестницы. Лившийся изнутри здания свет осветил фигуру в мужской одежде, но явно не мужскую.

– Каппи, – произнес за моей спиной Боннакут.

Я кивнул.

– Никак не могу решить, – тихо продолжал он, – кем бы я хотел ее увидеть после Предназначения, мужчиной или женщиной. Если она решит стать мужчиной, из нее получится прекрасный воин: сильный, как бык, быстрый... Каппи сможет выиграть половину наград на состязаниях на Осенней ярмарке в Вайртауне.

Что и говорить, кулаки Каппи – в те годы, когда она бы-

ла мужчиной, — не раз спасали меня от завистников во время стычек на юге полуострова. И тем не менее мне казалось странным, что Боннаккут выбрал именно этот момент, чтобы восхищаться ее доблестью.

— С другой стороны, — Боннаккут не унимался, — если она решит быть женщиной... что ж, как женщина она мне очень даже нравится.

Я уставился на него. Он лишь ухмыльнулся в ответ.

— Каппи — моя, — сказал я.

— Ты уверен?

— Что ты имеешь в виду?

— Завтра — День Предназначения. Если вы оба решите стать женщинами... что ж, вы можете по-прежнему, как говорится, оставаться хорошими друзьями, но ей понадобится мужчина. Именно это я и имею в виду.

— А может быть, и нет!

— Почти каждую неделю ты отправляешься на Юг играть на своей скрипке. Возможно, Каппи понравится мое общество, когда тебя не будет.

Если бы не боязнь повредить пальцы, я тут же врезал бы ему в рожу. Пистолет Боннаккута меня не путал, так же как его громадные кулаки и плечи, — но скрипачу в первую очередь приходится думать о собственных руках, как бы ему ни хотелось с кем-нибудь сцепиться. Я сумел лишь сказать:

— Ты всегда был подлецом и сволочью. Что ж, ты только что еще раз это доказал.

А затем, прежде чем он успел хоть как-то среагировать, я в два прыжка оказался впереди Рашида, так что его фиолетовое сияние отгородило меня от гнева первого воина.

Увидев нас, Каппи повернулась и что-то крикнула внутрь здания. На лестнице появились еще несколько человек. В темноте я мог различить лишь очертания спутанных волос и второпях наброшенной одежды – судя по всему, их только что подняли с постели. Женщины Тобер-Коува, возможно, были сейчас заняты стряпней для завтрашнего праздника, но мужчины (особенно старейшины) спали как убитые, благоразумно экономя силы для следующего дня.

Хотя я видел лишь силуэты старейшин, я все же мог узнать мэра Теггери, толстяка шириной с дверной проем и весом с призового быка. Возможно, существует какой-то тайный закон Лучезарных о том, что все мэры должны быть толстяками; во время всех своих путешествий по полуострову я ни разу не видел мэра, чья одежда не трещала бы по швам, даже в тех странных городах, где этот пост занимали женщины.

Теггери протянули масляный фонарь, он схватил его и поднял над головой, и как только его яркий свет осветил нашу небольшую группу, все, кто стоял на ступенях, изумленно уставились на нас и быстро заговорили. Вернее, не все – Каппи продолжала молчать с мрачным выражением на лице. Что касается меня, то я не мог удержаться от смеха, глядя

на ошеломленные физиономии старейшин, – что и говорить, не каждый день доводится являться к зданию Совета в компании рыцаря и нейт.

Вскоре мэр Теггери нашел в себе силы для того, чтобы звучно спросить:

– Боннакут... что все это значит?

– Ситуация осложнилась – причем намного. – С делано небрежным видом первый воин поглаживал «беретту» у себя на боку. – Этот вопрос должен решать Совет в полном составе.

Теггери крикнул через плечо внутрь здания:

– Эй, кто за то, чтобы убить нейт, скажите «да»!

– Да! – послушно ответил хор голосов.

– Решение принято. – Он снова повернулся к главе Гильдии воинов. – Приведи приговор в исполнение, только постарайся не слишком шуметь, дети спят.

– Это не так просто, мэр, – настойчиво сказал Боннакут. – Совету следовало бы обсудить случившееся.

– Он прав, – добавила Лита. – Ты недооцениваешь наших гостей. – И бросила взгляд на Рашида.

– Все так же поддерживаешь Стек, да? – Теггери со вздохом повернулся – теперь к жрице. – Ладно, Каппи в любом случае нас уже разбудила. Так что можно и поговорить об этом те полминуты, которых нейт заслуживает. – Он поднял фонарь и показал свободной рукой на дверь. – Пройдите все в зал.

Один за другим мы поднялись по ступеням. Я пропустил Рашида и Стек вперед. По лестнице они поднимались неуклюже, рука Рашида все так же обнимала бозеля за плечи. Проходя мимо Теггери, нейт кивнула с улыбкой.

– Малыш Тегги, так ты, значит, теперь мэр? Что ж, ты и вправду был рожден для великих дел.

Лицо мэра исказила злобная гримаса.

– Что ты хочешь услышать в ответ? Добро пожаловать домой?

Стек лишь усмехнулась и прошла в зал, все так же прижимаясь к Рашиду. Я хотел пойти следом, но Теггери упер толстую ладонь мне в грудь.

– Только не ты, Фуллин.

– Фуллин? – прошипела нейт, поворачиваясь ко мне. – Там, у ручья, ты сказал, что ты не Фуллин!

Однако Теггери прошел мимо меня в зал и закрыл передо мной дверь, прежде чем хоть кто-то успел что-то произвести. Некоторое время я тупо смотрел на дверь: краска на ней потрескалась, и она явно требовала ремонта.

– Что-то не так? – послышался за спиной голос Каппи.

Я медленно повернулся. Она стояла на две ступеньки ниже меня на лестнице, прислонившись к деревянным перилам. Руки она закинула назад за перила, так что очертания ее груди отчетливо проступали под мужской рубашкой.

В это мгновение я вдруг понял, что в женщине, одетой в

мужскую одежду, все же есть нечто привлекательное. Я не мог отвести от нее взгляда. Каппи вдруг показалась мне желанной и родной – во что я с трудом мог поверить.

– Да нет, все нормально, – сказал я, уставившись на нее. – Все в порядке.

Она закатила глаза.

– Опять ты за свое.

– В чем дело?

– За последние несколько месяцев ты едва удостоил меня взглядом. Но стоило мне одеться в мужское, как у тебя слюнки потекли. И как это следует понимать, Фуллин?

– Никак. – С некоторым усилием я перевел взгляд на покачивавшиеся на темной воде рыбацкие лодки. – Боннакут рассказывал про тебя забавные вещи.

– Какие?

– Так, разные глупости. – Я снова посмотрел на нее, пытаясь найти хоть какие-то признаки вины, но не увидел ничего – впрочем, худощавое лицо с мягкими чертами, по-своему привлекательное, сейчас казалось довольно напряженным. Возможно, стоило прямо спросить ее об отношениях с первым воином, но я был не в состоянии задавать вопросы о чем бы то ни было. Поэтому повернулся в сторону озера и пробормотал: – Боннакут – дерьмо.

– И вовсе не такой уж он плохой, – возразила она. Я не мог понять, то ли она его защищает, то ли просто пытается мне противоречить. В последнее время у нее вошло в привычку

ни в чем со мной не соглашаться, исключительно из желания досадить. — Так что он говорил?

Я покачал головой. Как бы ни оскорбляли меня намеки Боннаккута, не хотелось обсуждать это с Каппи. Мне вообще не хотелось что-либо с ней обсуждать. Но я не смог удержаться:

— Лита утверждает, будто ты согласилась стать Смеющей-ся жрицей.

— Кто-то ведь должен. — Она пожала плечами. — Доктор Горалин нашла опухоли в грудях у Литы. В обеих. Это ее последний солнцеворот.

— Плохо, — проговорил я таким тоном, каким всегда говорят о смерти. Но мгновение спустя вспомнил о нашем медленном танце в лесу. — Очень плохо.

— Вот почему Лита попросила меня стать ее преемницей, — продолжала Каппи. — И мне действительно этого хочется, Фуллин. Очень хочется. Тобер-Коуву нужна жрица, в противовес служителю Патриарха. Кроме того, — слегка улыбнулась она, — ее наряд мне вполне к лицу. Если, на твой взгляд, я неплохо выгляжу в чулках с подвязками, то со стручками на поясе буду просто неотразима.

Я представил Каппи и себя на ложе из травы, посреди леса... Это могло быть весьма интересно, если на ней заодно будут и чулки с подвязками.

— Значит, ты собираешься выбрать своим Предназначением женщину? — спросил я.

– Я пытаюсь сказать тебе об этом уже который месяц, – усмехнулась Каппи, – но ты почему-то все время избегал этой темы.

– Ты все время пыталась добиться от меня ответа, как собираюсь поступить я. И никогда не говорила от том, чего хочешь сама.

– Потому что ты никогда не спрашивал!

– Я полагал, что когда решишь, то сама скажешь. Какой смысл все время спрашивать меня, если ты действительно хотела сказать мне о своих намерениях?

– Все вы таковы, мужчины! – Каппи села на верхнюю ступеньку и демонстративно закрыла лицо руками. Широкие рукава отцовской рубашки свисали с ее тонких запястий, словно манжеты пеньюара. Казалось странным, что ее одежда вызывает у меня желание обладать ею, в то время как все остальное заставляло искать повод, чтобы избегать.

Я присел рядом с ней.

– Ты действительно хочешь стать следующей Смеющейся жрицей?

Она подняла голову.

– Мы, ее ученики, называем Литу просто жрицей. Слово «Смеющаяся» было придумано и добавлено скорее для забавы. Когда служитель Патриарха говорит подобные глупости, так и хочется стукнуть его мотыгой.

– Так ты хочешь или нет?

– А почему нет?

Я пожал плечами. Первой моей реакцией было возразить ей. Мало того что жрица считалась посмешищем среди мужчин поселка, но у нее к тому же хватало обязанностей – благословлять младенцев, обрядить мертвых, рассказывать сказки детям, сидя на неудобном деревянном табурете позади здания Совета, пока шло собрание мужчин-старейшин. У Каппи просто не осталось бы времени на все то, чем должна заниматься жена, – ведь, несмотря ни на что, предполагалось, что я стану мужем Каппи после нашего Предназначения...

Все в поселке ожидали, что мы поженимся. Все говорили, что мы будем прекрасной парой.

Но, с другой стороны, в должности жрицы были и положительные моменты. Прежде всего, это могло стать поводом для того, чтобы не жениться на ней, и в этой ситуации все меня наверняка бы поняли – жрице не позволялось иметь мужа, так как это могло повлечь за собой «конфликт интересов». Впрочем, оставаться старой девой от жрицы тоже никто не требовал. У Литы, надо полагать, не раз бывали близкие отношения с мужчинами – когда о ней заходил разговор, мужчины частенько многозначительно подмигивали. Если бы Каппи стала следующей Смеющейся жрицей, я мог бы заниматься с ней любовью каждый раз, когда бы мне этого хотелось (например, увидев ее в мужской одежде), и при этом не связывать себя с ней на всю жизнь.

Еще одним преимуществом было то, что в этом случае

Боннаккут оказался бы вычеркнут из ее жизни. Женщины поселка просто не допустили бы, чтобы их кроткая женственная жрица путалась с первым воином, так же как мужчины не позволили бы бравому мужественному первому воину проводить время с тупоголовой жрицей. Даже если бы я бросил Каппи, то ей никогда не позволили бы связать свою жизнь с Боннаккутом.

Ко всему прочему, если Каппи хотела стать жрицей, ей в любом случае пришлось бы выбрать себе в Предназначение женский пол. Это оставляло мне вариант – тоже предпочесть судьбу женщины, тем самым избавившись от любых обязательств, которые, по мнению окружающих, я мог бы иметь по отношению к ней. Я часто думал о том, чтобы выбрать себе женское Предназначение – по крайней мере, мне не пришлось бы чересчур много работать. Заниматься домашним хозяйством, заботиться о своем сыне Ваггерте... и зарабатывать кучу денег, играя на скрипке по выходным. Конечно, если бы я стал женщиной, а Каппи – жрицей, она могла бы попытаться мною командовать; но я был бы далеко не первой женщиной из тех, кто старался держаться подальше от Смеющейся жрицы.

Каппи все еще ждала моего ответа. Так хочу ли я, чтобы она заняла пост Литы?

– Если тебе это нужно, – сказал я, – возражать не стану.

С любопытством посмотрев на меня, она кивнула.

– Спасибо. Весьма благородно с твоей стороны. Честно

говоря, я ожидал большей благодарности.

Например, восторженных поцелуев за то, что я с ней согласился. Конечно, я в конце концов раздраженно оттолкнул бы ее, но мне все же хотелось хоть какого-то проявления признательности.

Несколько минут мы молча сидели рядом на ступенях. Было около двух часов ночи, но я чувствовал себя слишком уставшим для того, чтобы обернуться и взглянуть на часы на башне Совета. Интересно, чего ждали от нас старейшины – что мы снова вернемся на болото, когда все закончится? Или просто отправимся к себе домой?

Похоже, Каппи думала о том же самом.

– Если они и в самом деле хотят, чтобы мы торчали здесь всю ночь, – пробормотала она, – могли хотя бы одолжить нам колоду карт. Как говорит Лита, большинство собраний Совета – это пять минут дела, за которыми следуют три часа покера.

– Не зря же ее зовут Смеющейся жрицей, – не удержался я.

– Но что там можно так долго обсуждать? – Каппи бросила взгляд на запертую дверь позади нас. – Спроси любого, что следует делать при виде нейт, и каждый даст тебе короткий и ясный ответ.

– Если нейт вернулась с подарками, все иначе.

Я рассказал ей, с какой охотой Боннакут принял «берет-ту» и как потом подлизывался к Рашиду. Возможно, я слегка

преувеличил, но кто сказал, что я должен выставить первого воина в лучшем свете?

Когда я закончил свой рассказ, Каппи сердито посмотрела на меня.

– Значит, теперь они здесь. И Рашид вручает подарки старейшинам.

– Вероятно.

– Но ведь старейшины не берут взятку, разве не так? – Она немного помолчала. – По крайней мере, Литя не стала бы...

– Зависит от того, какова взятка. – Я старался говорить голосом искушенного в подобных делах человека. – Литя вполне может отказаться от денег или золота... Но предположим, что у Рашида есть какое-то высококачественное лекарство с Юга – вакцины или антибиотики прямо от Лучезарных, нечто, что могло бы спасти многие жизни, возможно, даже излечить опухоли в груди у Литы. И все, что ему нужно, – посмотреть завтрашнюю церемонию и уйти. Ты думаешь, жрица отказалась бы от подобной сделки?

– Литя не взяла бы лекарство для себя одной, – сказала Каппи, – но для других... для детей... Думаешь, у Рашида действительно есть нечто подобное?

– Он – титулованная особа, – ответил я. – Литя один раз обратилась к нему «лорд Рашид», словно он сам или его имя были ей знакомы. Если он – аристократ из Фелисса, возможно, у него есть доступ к медикаментам, которыми Лучезарные снабжают губернаторов. Или, возможно, у него доста-

точно денег, чтобы позволить себе приобрести ценные вещи: семена пшеницы, которая может пережить зиму, сельскохозяйственные или рыболовные приспособления Древних или холодильную машину для рыбной фабрики. Мой приемный отец говорил, что в Фелиссе есть такие...

Дверь зала Совета распахнулась, и послышался громкий смех. Каппи посмотрела на меня так, что у меня не оставалось никаких сомнений в том, что она думает о людях, которые смеются после того, как получили взятку от нейта.

Три секунды спустя с важным видом вышли Теггери и Рашид; мэр обнимал Рашида за плечи, почти так же, как до этого Рашид обнимал Стек.

– Если ты действительно хочешь сохранить свою личность в тайне, лорд Рашид, – говорил Теггери, – лучше всего будет...

Увидев меня и Каппи, сидевших на ступенях, мэр замолчал.

– Мы умеем хранить тайны, – холодно заметила Каппи.

– Прекрасно, – улыбнулся Рашид. – Мы с Советом пришли к некоторому соглашению, и для всех будет лучше, если...

– Лучше для блага поселка, – самодовольно добавил Теггери.

– Да, – продолжал Рашид, – будет лучше для всех, если мы не станем распространять слухи о нейт и прочих проблемах.

– Тогда почему бы тебе просто не уйти и не забрать Стек

с собой? – спросила Каппи.

– Я уйду завтра, после того как увижу Господина Ворона и Госпожу Чайку, – ответил Рашид. – Пока же мы можем изменить внешность Стек – во всяком случае, скрыть ее истинную природу – с тем чтобы не оскорбить чувства остальных жителей поселка. Я хочу, чтобы вы поклялись, что не расскажете никому о том, что произошло здесь сегодня ночью, пока я не уйду.

– Вам придется поклясться на Руке Патриарха, – велел мэр.

Каппи поднялась на ноги.

– С чего бы это?

– Каппи! – потрясенно выговорил я. Никто никогда не разговаривал с главой поселка подобным тоном.

Но Каппи лишь мрачно посмотрела на меня и снова повернулась к Рашиду и Теггери.

– Я всего лишь глупая женщина, – четко произнесла она, – но вы, похоже, сумеете меня развеселить.

У мэра отвалилась челюсть. Он уставился на нее, потом отпустил Рашида и повернулся к открытой двери, где среди старейшин стояла Литта. Та робко шагнула вперед, опустила глаза и пробормотала, глядя в землю:

– Я предложила Каппи стать следующей Смеющейся жрицей.

– Мне кажется, – громко сказала Каппи, – что если у Совета есть серьезные причины для того, чтобы позволить чу-

жакам наблюдать за Днем Предназначения – главным событием в жизни каждого из нас, тем более что оно отличает тоберов от всех прочих жителей Земли, – то нет никакой необходимости держать это в тайне от остальных. Ведь все и так наверняка согласятся: «Да, нет ничего плохого в том, чтобы позволить нейт общаться с нашими детьми. Нет ничего плохого в том, что вы пригласили сюда ученого».

– Рашид – не просто ученый, – вздохнула Лита. – Он более чем ученый. Король всех ученых Земли. Он – Мудрец Лучезарных.

Глава 7

КЛЯТВА ДЛЯ СЛУЖИТЕЛЯ ПАТРИАРХА

Услышанная от Литы новость меня ошеломила. Насколько мне было известно, ни один из Лучезарных не бывал в пределах ста километров от Тобер-Коува. В каждом поколении их было слишком мало для того, чтобы посетить каждое поселение на Земле. К тому же у Лучезарных хватало занятий и без того, чтобы интересоваться мирными поселками, поскольку их жизнь была посвящена прекращению войн и сражениям с демонами в наиболее диких местах планеты. В промежутках между битвами имелись и другие важные дела – изготовление лекарств, организация снабжения продовольствием в голодные времена, давление на чересчур обнаглевших провинциальных губернаторов во имя блага их же народа.

В Тобер-Коуве никогда не возникало проблем, которые требовали бы вмешательства Лучезарного. Так что я никак не мог понять, что могло привлечь внимание одного из них. И старейшины встретили Рашида с распростертыми объятиями... Все рассказы о Лучезарных сводились к одному: в конечном счете они всегда добиваются своего, так что с тем же успехом можно сразу уступить их желаниям.

Я был не единственным, кому было не по душе присутствие Лучезарного среди нас. Решительное выражение исчезло с лица Каппи, и она резко отвернулась, уставившись в темноту. Впрочем, любой бы упал духом после того, как произнес свою первую проповедь в качестве Смеющейся жрицы, а затем все затмило появление Лучезарного. Хотя... Каппи вполне могла преднамеренно поставить меня в одну из тех идиотских ситуаций, которые ненавидит любой мужчина. Может, она полагала, что я подойду со словами утешения?

Нет, лучше оставить ее в покое, пока она не придет в себя после столь серьезного разочарования. Если при попытке утешить Каппи бы меня оттолкнула, я бы опозорился перед лицом весьма важных персон.

– Ладно, – сказал я, делая вид, будто не замечаю мрачной физиономии своей подруги, – мы поклянемся, что никому не расскажем о том, что произошло сегодня ночью... по крайней мере до тех пор, пока лорд Рашид не покинет поселок.

– Тогда давайте заканчивать, – зевнул один из старейшин, торговец зерном Вайгон. – Спать охота.

Вокруг слышались смешки. Все говорили, будто Вайгон спит по двадцать два часа в сутки. Невозможно было зайти к нему на склад без того, чтобы не увидеть его громко храпящим на мешках с пшеницей и кукурузой. Кто-то – вероятнее всего, его жена Вин – распространил слух о том, что то, на чем поспал Вайгон, обладает особыми свойствами. Люди

приносили ему в качестве подушки самые невероятные вещи – мешки с картошкой, хмельную лозу, даже связки яблоневых черенков – в надежде, что ночь, проведенная под головой торговца, сделает их более плодоносными. Обычный человек вряд ли получит удовольствие от сна на яблоневых ветках, но Вайгон был мастером своего дела.

Старейшины позади толпы о чем-то зашептались, затем расступились, пропуская вперед старого Хакура, служителя Патриарха. Он был почти слеп и страдал от артрита, но, словно гремучая змея, до сих пор плевался ядом в сторону малейших нарушений Патриаршего закона. Мне было интересно, что думает Хакур по поводу того, чтобы позволить нейт вернуться в поселок, – но авторитет Патриарха поддерживался непосредственно Верховным Лучезарным, так что вряд ли хоть кто-то из служителей Патриарха осмелился бы возражать Лучезарному.

Хакур держал в руках золотую шкатулку величиной с новорожденного младенца, потускневшую и покрытую множеством царапин. Впрочем, будь она даже в идеальном состоянии, смотреть особо было не на что. Позолота – не настоящая, скорее всего бронзовая имитация, покрывающая едва различимые рельефные изображения мужчин и женщин в складчатых платьях. Даже ящики для цветов у некоторых хозяек выглядели лучше – но в этой шкатулке хранилось величайшее сокровище Тобер-Коува. Когда служитель открыл крышку, даже Рашид наклонился, чтобы лучше разглядеть

то, что лежало внутри.

Это была человеческая рука, принадлежавшая самому Патриарху, пропитанная солью и зельями, не дававшими ей рассыпаться в прах в течение ста пятидесяти лет после смерти ее владельца. В детстве мы с Каппи сочиняли истории про эту руку – будто она вылезает по ночам из шкатулки и душит тех, кто плохо отзывался о Патриархе, или о том, что настоящая рука давно сгнила и служители Патриарха заменяют ее отрезанными у воров или нейтов. Я мог бы перечислить десятки подобных сказок, но вам наверняка и без того известно, о чем перешептываются дети пасмурными вечерами, когда вдали слышатся раскаты грома.

Рука играла центральную роль в жизни тоберов. Вступающие в брак должны были поцеловать ее, чтобы скрепить свои узы; ее прикладывали к груди новорожденных в знак благословения, аналогично поступали и в отношении покойников во время похорон. Рука должна была в определенном смысле сыграть свою роль и во время праздника Предназначения – когда появится Госпожа Чайка, чтобы забрать Каппи и меня в Гнездовье, каждый из нас должен был держать куриную лапку, символизирующую руку Патриарха и его самого.

Хакур подвинул мне шкатулку. Я коснулся руки кончиками пальцев – кожа напоминала бумагу. Мой приемный отец всегда говорил, что содрогается при виде того, как тоберы дотрагиваются до этого «грязного обрубка». Он беспокоился, что мы можем подхватить какую-нибудь заразу, хотя

я сомневался, что кто-то может заболеть от соприкосновения с Патриархом – полной противоположностью Господина Недуга.

– Клянись, – прошипел Хакур.

Он всегда шипел и редко произносил больше трех слов за один раз. Некоторые утверждали, будто у него в горле опухоль; другие – что он специально так говорит, чтобы было страшнее.

Я пожал плечами, давая понять, что мне вовсе не страшно.

– Клянусь, что сохраню в тайне, кем являются лорд Рашид и Стек, пока они не покинут поселок. Достаточно?

– Вполне, – кивнул Рашид.

– Девушка тоже должна поклясться, – еще пронзительнее прошипел Хакур.

– Ты действительно хочешь, чтобы Смеющаяся жрица коснулась твоей драгоценности? – спросила Каппи. – Ты не боишься, что я могу осквернить руку, скажем, здравым смыслом?

– О боги, – пробормотал я себе под нос.

Кто-то из старейшин выругался, некоторые посмотрели на меня так, будто я нес ответственность за ее слова. Пытаясь сохранить внешнее безразличие, я сказал тоном здравомыслящего человека:

– Не слишком ли далеко ты зашла? Ты всерьез считаешь себя жрицей?

Что ж, мне следовало быть готовым к тому, что она не прислушается к голосу разума. Более того, оказалось, что Каппи готова выцарапать мне глаза и наверняка бы так и сделала, если бы Стек не шагнула вперед, преградив ей путь. Я хотел сказать нейт, что могу позаботиться о себе и сам, но решил оставить это на потом.

К нам поспешила Лита, жрица остановилась перед мэром, Хакуром и Каппи.

– Спокойно, спокойно, – сказала она. – Спокойно! Действительно, жрица не клянется на руке. Если необходимо, она клянется на камне или дереве, в общем, на чем-нибудь настоящем. Что вовсе не означает, будто рука не настоящая. В любом случае это не иллюзия. Но суть в том, Каппи, что ты ведь пока еще не жрица, верно? Чтобы стать жрицей, ты должна быть женщиной, а ты еще не являешься в полной мере женщиной, пока не наступит твой День Предназначения. Люди порой передумывают в последний момент, ты сама это прекрасно знаешь. Они обещают, что выберут женское Предназначение, а потом... – Лита бросила взгляд на Стек, – в последний момент меняют свое решение, – закончила она. – Так что я вовсе не отвергаю тебя, Каппи, я действительно хочу, чтобы ты стала моей преемницей, но заявлять о своих правах уже сейчас – несколько рановато, тебе не кажется?

Каждый раз, когда Лита произносила свою очередную проповедь, ее речь вызывала любые чувства, кроме гнева. На

эту женщину невозможно было сердиться. Да, это могло раздражать – особенно если тебя ждали неотложные дела. Но даже пыл Каппи, только что, казалось, готовый раскалиться добела, угас, и она лишь пробормотала, потупив взгляд:

– Ладно. Давайте заканчивать.

– Клянись! – прошипел Хакур и подсунул ей мумифицированную руку.

Каппи потянулась к ней, но в это время Стек, наклонившись, подобрала небольшой камень и вложила ей в другую ладонь.

– Нигде не сказано, что ты не можешь держать камень, дотрагиваясь до руки, – сказала она. – Кто знает, на чем ты на самом деле клянешься?

Хакур скривился; однако Рашид хлопнул Стек по спине.

– Отличный компромисс!

Каппи улыбнулась. Касаясь руки и сжимая камень, она произнесла ту же клятву, что и я.

– Прекрасно, – сказал мэр Теггери, отступив на шаг от разгневанного Хакура. – А теперь – не пойти ли нам всем спать? Вряд ли кому-то хочется заснуть посреди завтрашнего празднества. – Он одарил нас своей покровительственной улыбкой.

– Нам с Фуллином нужно вернуться на болото? – уточнила Каппи.

Хорошо, что она задала этот вопрос, – мне не хотелось навлекать на себя гнев Хакура.

Старик ответил не сразу. Когда ярость его доходила до предела, он не набрасывался на жертву немедленно, а чуть выжидал, после чего хладнокровно с ней расправлялся.

– Думаешь, ритуал уединения тебя не касается? – прошипел он, обращаясь к Каппи. – Что ты выше этого?

– Я думаю, это бессмысленно, – ответила она, ничем не показывая страха. – Уток мы все равно не поймает – Стек уничтожила наши сетки. И я уверена – вряд ли ты хочешь, чтобы мы ставили новые, ты же сам настаивал, чтобы мы использовали специально изготовленные ловушки, прошедшие ритуал очищения в течение трех месяцев. А без них на болоте нам делать нечего; но если мы останемся в поселке, то, по крайней мере, поможем печь пироги.

Хакур снова помедлил – не затем, чтобы обдумать ответ, но явно намереваясь заранее запугать собеседника.

– Цель уединения, – прошипел он, – не в том, чтобы ловить уток. Оно предназначено для размышлений. Для размышлений о том, в каком качестве вы сможете лучше послужить Патриарху – как мужчина или как женщина. Но если вы выбрали путь, ведущий в преисподнюю... – Старик пренебрежительно махнул рукой. – То, что будет с вами дальше, меня не интересует.

– Прекрасно, – столь же пренебрежительно ответила Каппи. Она посмотрела на меня, а потом сказала: – Я возвращаюсь в нашу хижину.

Речь шла о небольшом домике, где мы и наши дети жили

весь последний год; но хочет ли она, чтобы я пошел с ней, или предупреждает, что мне следует держаться подальше? Явно не собираясь больше ничего объяснять, Каппи подобрала лежавшее у ее ног копьё (мое копьё!) и скрылась в ночи.

Лита улыбнулась стоявшим вокруг старейшинам, присела в реверансе перед Лучезарным и поспешила следом за Каппи. Я предположил, что она собирается поучить ее некоторым премудростям, необходимым жрице нашего поселка.

Толпа на лестнице разошлась. Старейшины отправились по домам, ушел, ковыляя, и Хакур, цепляясь за локоть Вайгона и пытаясь выглядеть все таким же грозным. Мэр Теггери обнял лорда Рашида за плечи и повел его в сторону своего дома, позади них семенила Стек. Боннакут и остальные воины направились в другую сторону, споря о том, удастся ли Кайоми, Стэллору и Минцу хоть раз выстрелить из «беретты».

Я некоторое время глядел им вслед. Потом, глубоко вздохнув, пошел обратно на болото – продолжать свое уединение. Каппи могла пренебречь традициями Патриарха, но мне подобное упрямство казалось глупым. Кроме того, моя скрипка до сих пор лежала спрятанной внутри полого бревна, и я не был уверен в том, что инструменту ничто не угрожает.

Вот только... Сейчас, когда мои мысли больше не были

заняты Каппи и нейт, я не мог не ощутить распространявшиеся вокруг аппетитные запахи, было ли это лишь игрой воображения, или я действительно чувствовал аромат свежеиспеченного хлеба, жареной свинины, земляничного киселя – словом, всего того, что готовили этой ночью женщины для завтрашнего праздника. Голода я пока не испытывал, но в животе могло начать урчать в любую секунду. Если сразу отправиться на болото, не взяв с собой еды, вряд ли найдутся силы сосредоточиться на священнодействии, которое мне предстояло...

Пойти к себе домой? Но там была Каппи и с ней, вероятнее всего, Лита. Они проведут за беседой всю ночь – Лита в своем увешанном стручками наряде и Каппи в мужской рубашке, возможно, с расстегнутыми несколькими верхними пуговицами. В такую жаркую ночь в обществе жрицы ей незачем беспокоиться о том, что случайно может обнажиться ее грудь...

Еда. Мне нужна еда.

И я направился к приемному отцу.

Во времена Древних этот дом, вероятно, выглядел впечатляюще – два этажа и подвал, достаточно просторные для того, чтобы в него могла набиться половина населения нашего поселка. За последние четыреста лет он много раз перестраивался, потеряв большую часть верхнего этажа, стены укрепили или возвели заново, гостиную превратили в дро-

вяной склад. Оставшиеся стройматериалы до сих пор лежали на заднем дворе, поверх этой груды скопилась грязь, но до сих пор можно было различить кусок кровли или металлического желоба. В свое время я откопал там немало добра, стараясь не обращать внимания на крики приемного отца. «Оставь в покое эту дрянь!»

В отличие от других домов в поселке, здесь на кухне не горел свет – никто не готовил блюда для завтрашнего пиршества, никто не вышивал последних стежков на детских нарядах. Мой приемный отец, Зефрам О'Рон, предоставил это остальным – отчасти потому, что не относился к уроженцам поселка, а отчасти потому, что мог заплатить за любую работу другим. Оба этих факта практически полностью характеризовали Зефрама: он был чужим в Тобер-Коуве и он был богат. Свое состояние он нажил, когда торговал в Фелиссе всем подряд, от мыла до корицы. Иногда он заявлял, будто принадлежит к числу самых богатых людей в провинции, а иногда – с угрюмым видом, – что всего лишь обычная мелкая сошка, каких много. Никто в поселке не знал настолько хорошо Южные земли, чтобы опровергнуть или подтвердить его слова. Так или иначе, денег у него было намного больше, чем у любого из местных. Это, впрочем, не означало, что он ставил себя в чем-то выше остальных. Многим своим удачам в делах Зефрам был обязан своей общительностью. Он умел очаровывать людей, не будучи обаятельным сам, – вы понимаете, что я имею в виду, причем не отличался чрезмерным

многословием и не пытался показаться тем, кем не являлся на самом деле. Я часто наблюдал, как он беседовал с жителями поселка, покупая рыбу или нанимая кого-нибудь помочь отремонтировать дом. Каким-то образом ему удавалось быть на дружеской ноге со всеми, и после разговора с ним люди всегда уходили с улыбкой. Я много раз пытался ему подражать, особенно стараясь найти общий язык с Каппи, – но, видимо, она была более своенравной, чем те, с кем приходилось иметь дело Зефрамму, поскольку мне так и не удалось преодолеть ее упрямство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.